

ПАРФЕНОВ М. С.

зона ужаса

Здесь, в «Зоне ужаса», смертельно опасен каждый вздох,
каждый взгляд, каждый шорох.

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

Самая страшная книга

М. С. Парфенов
Зона ужаса (сборник)

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Парфенов М. С.

Зона ужаса (сборник) / М. С. Парфенов — «АСТ»,
2017 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-101983-9

Коллеги называют его «отцом русского хоррора». Читатели знают, прежде всего, как составителя антологий: «Самая страшная книга 2014–2017», «13 маньяков», «13 ведьм», «Темные». Сам он считает себя настоящим фанатом, даже фанатиком жанра ужасов и мистики. Кто он, Парфенов М. С.? Человек, который проведет вас по коридорам страха в царство невообразимых ночных кошмаров, в ту самую, заветную, «Зону ужаса»... Здесь, в «Зоне ужаса», смертельно опасен каждый вздох, каждый взгляд, каждый шорох. Обычная маршрутка оказывается чудовищем из иных миров. Армия насекомых атакует жилую высотку в Митино. Маленький мальчик спешит на встречу с «не-мертвыми» друзьями. Пожилой мужчина пытается убить монстра, в которого превратилась его престарелая мать. Писатель-детективщик читает дневник маньяка. Паукообразная тварь охотится на младенцев... Не каждый читатель сможет пройти через это. Не каждый рискнет взглянуть в лицо тому, кто является вам во сне. Вампир-графоман и дьявол-коммерсант – самые мирные обитатели этого мрачного края, который зовется не иначе, как...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-101983-9

© Парфенов М. С., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	8
Страна тараканов	12
Мост	38
Корректурa	47
Конец пути	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Михаил Парфенов

Зона ужаса (сборник)

В оформлении книги использованы иллюстрации *Александра Соломина*

Иллюстрация на обложке: *Ависс Вейльски*

© М. С. Парфенов, текст, 2017

© Ависс Вейльски, обложка, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Pro et Contra,

или

Что говорят о творчестве Парфенова М. С. читатели и коллеги?

«По-хорошему завидую, я хотел бы написать нечто подобное».

Майк Гелприн, писатель

«Просто великолепно... напоминает творчество Кинга. Это огромный плюс автору».

Wolf94, livelib.ru

«Подробности, которые не захочется узнать. Чувства, которые не захочется испытать. Читайте – на свой страх и риск».

Николай Иванов, писатель

«Быстрое и непринужденное создание атмосферы – и дальше уже не отпускает до окончания текста».

glucker, darkermagazine.ru

«Аплодирую автору, перешагнувшему через моральные принципы, чтобы сделать своего героя настоящим».

Дмитрий Лазарев, писатель

«Я иногда даже дух переводил, читая».

Naivety, livelib.ru

«Жестокий, умный, захватывающий и по-хорошему эмоциональный».

Анатолий Уманский, писатель

«От финальной фразы даже мурашки по коже поползли».

Бафомет1969, fantlab.ru

«Идеальный рассказ».

Дмитрий Тихонов, писатель

«Всерьез сомневаюсь в психическом здоровье автора... Мне кажется, что таких людей не следует допускать к перу».

Magik, livelib.ru

Предисловие

Парфенов М. С. – организатор, популяризатор, литератор

Свою вступительную речь я поделил на две части. В первой я пытаюсь представить читателю автора этой книги как человека. Во второй – как литератора. Но прежде добавлю определение. Им станет имя прилагательное – одно на обе авторские ипостаси. Вот оно, это прилагательное: «незаурядный».

Итак, кто же он и о чем он пишет, незаурядный человек и незаурядный литератор с псевдонимом Парфенов М. С. и по имени Михаил Парфенов?

1. Отец русского хоррора

Этот подзаголовок – не ирония, не сарказм и даже не гипербола. Так Михаила называют коллеги, единомышленники, друзья и многие его читатели. Причем называют совершенно заслуженно.

Нисколько не ошибусь, если скажу, что сегодняшним своим успехом темный жанр отечественного производства обязан Парфенову М. С. больше, чем кому-либо другому. Более того: на мой взгляд (поверьте, это слова не из серии «кукушка хвалит петуха»), Михаил сделал для популяризации и продвижения русского хоррора больше, чем все прочие вместе взятые. Фактически мы имеем дело с феноменом: жанр, считавшийся низким, бесперспективным и коммерчески убыточным, за считанные годы расцвел, набрал силу и пожинает плоды – потому, что нашелся человек, сумевший свернуть горы.

Как же это случилось и почему? Попробую ответить на оба вопроса.

Двенадцать лет назад усилиями Парфенова М. С. было создано литературное сообщество «Тьма». Объединив многих талантливых единомышленников, оно фактически стало первым серьезным начинанием, посвященным русскому хоррору в литературе.

На тот момент жанр пребывал в плачевном состоянии, если не сказать что в зачаточном. Авторы, рискующие писать «ужастики» и «страшилки», как довольно пренебрежительно называли произведения темного жанра, за редчайшим исключением не публиковались. Печатать отечественный хоррор дружно отказывались издатели, критики его в лучшем случае просто игнорировали. А читатели вовсе не подозревали, что хоррор хотят и умеют писать не только признанные зарубежные авторитеты, но и десятки на самом деле одаренных, однако (увы!) мало кому известных соотечественников.

Литературное общество «Тьма» (ЛюТ) действует до сих пор и продолжает развиваться. На сегодняшний день оно эволюционировало в огромного монстра с множеством щупалец-ответвлений, объединяющего сетевые (и не только!) ресурсы с общим названием «Хоррор Веб». Обзавелось десятками тысяч участников, подписчиков и фэнов. Реализует многочисленные литературные проекты, проводит промоакции, конкурсы, выпускает периодику и, наконец, участвует в издании печатных книг. Но тогда, дюжину лет назад, ничего этого нельзя было и представить. Михаил начинал русский хоррор едва ли не с нуля.

Прочитаны, отредактированы сотни текстов: рассказы, повести, романы, рецензии, критические статьи, переводы, эксклюзивные и не эксклюзивные интервью. Издаются (и имеют успех!) межавторские антологии хоррора. О них я скажу отдельно, чуть позже, а пока попробую ответить на вопрос, почему же это все удалось осуществить.

Мы познакомились с Михаилом в 2014 году на литературном конкурсе хоррора «Чертова дюжина». К тому времени я был уже вполне сформировавшимся литератором, автором

полтора сотен произведений короткой формы, считающим темный жанр чем-то вроде не стоящей внимания безделки. Собственно, я и забрел-то на конкурсную площадку, чтобы в этом лишний раз удостовериться. Месяц спустя, когда конкурс закончился, я покинул его с твердым намерением сменить амплуа – настолько увлек, очаровал и захватил меня жанр. Произошло это в том числе и по итогам полемики с Михаилом, начавшейся с жаркой и острой перепалки, чуть ли не ругани, продолжившейся перепиской и завершившейся для меня сдачей позиций. Как этому человеку удалось убедить меня в том, что хоррор ничуть не уступает светлым жанрам, а во многом их превосходит, мне долгое время было попросту не понять. Потом я, наконец, разобрался или, по крайней мере, думаю, что разобрался.

Энциклопедичность знаний. Энтузиазм и упорство на грани подвижничества. И сто-процентная, абсолютная порядочность. Сочетание этих трех качеств сделало Михаила Парфенова – Парфенова М. С. – тем, каким мы его знаем. Лицом сегодняшнего русского хоррора, его основателем, апологетом. Человеком, сумевшим поднять неподъемное. Тем, кто дал дорогу множеству литераторов, пишущих в темном жанре. Тем, кто – не побоюсь сказать – взрастил многих из них.

Не премину заметить при всем том, что в общении Михаил – человек крайне не простой. Лично мне, по крайней мере, было весьма непросто привыкнуть к тому, что поначалу казалось излишней категоричностью суждений, даже авторитарностью и – что есть, то есть – бескомпромиссностью. Лишь спустя некоторое время я понял, что все это – качества профессионального лидера и авторитета, человека дела, умеющего увлекать за собой, убеждать и воплощать свои идеи на практике. Таких уважают, но далеко не всегда обожают.

Любопытно, что сам Михаил считает своей основной человеческой слабостью порядочность и принципиальность (называя их вкуче честностью). Я догадываюсь, что он имеет в виду некоторые неудобства, возникающие при общении с людьми, когда принцип «вась-вась» отсутствует как таковой. Но по сути согласиться с заявленной слабостью не могу. На мой взгляд, не будь Парфенов абсолютно порядочен, в том числе по отношению к самому себе, значительную часть того, что он сделал, реализовать бы не удалось. Не удалось бы сплотить литераторов и убедить в собственной правоте издателей. Сломать годами складывавшиеся стереотипы и запустить в жизнь считавшийся бесперспективным проект. Однако он сделал это, и гадкий утенок по прозвищу «русский хоррор» обернулся вдруг уверенно набирающей высоту гордой птицей.

Три года назад свет увидела составленная Михаилом первая антология русского хоррора под названием «Пазл». И сразу вслед за ней – первый том ежегодника «Самая страшная книга». К удивлению, если не изумлению скептиков и всезнаек, оба издания оказались успешными. Их раскупили – за предельно короткие сроки смели с магазинных прилавков, так что «ССК 2014» издателю пришлось допечатывать. Любителей и поклонников темного жанра, которые некогда пришли на сайт сообщества «Тьма» и остались, а потом стали постоянными подписчиками вебзина Darker и завсегдатаями хоррорных мероприятий, оказалось не просто много. Их оказалось очень много. Для них имена пишущих в темном жанре литераторов уже не были пустым звуком. Десятки тысяч читателей успели поверить в «своих» авторов, оценить их талант и стать целевой аудиторией проекта.

За последние три года Михаил Парфенов составил и выпустил в свет:

- четыре ежегодника серии «Самая страшная книга»;
 - два первых сборника подсерии «13» – «13 маньяков» и «13 ведьм»;
 - три внесерийные антологии – «Пазл», «Хеллоуин» и «Темные»;
 - авторский сборник безвременно ушедшего от нас Владислава Женецкого «Запах».
- Впечатляющий список, не правда ли?

На очереди новые книги серий «ССК» и «13», ждем их в 2017 году.

Ну а сейчас позвольте представить вам авторский сборник самого Парфенова М. С. – коллекцию историй, которой он дал название «Зона ужаса».

2. Автор русского хоррора

Свой первый рассказ Миша Парфенов написал в девятилетнем возрасте. С тех пор с творчеством он не расставался. На вопрос «сколько же всего написано?» ответить Парфенов М. С. не может – ранние, юношеские тексты не сохранились или были переделаны в нечто иное, новое. Так или иначе, вошедшие в этот сборник рассказы и повести – лишь малая толика авторского литературного багажа. То, что Михаил счел на сегодня лучшим.

О чем же они, эти истории?

Прежде всего, позволю себе процитировать автора:

«...бывает такое в жизни, когда откровенно плохие, мерзкие люди неожиданно для нас с вами поступают благородно, по-доброму. Бывает, но редко. На мой взгляд, верно и обратное. И верно, быть может, в большей степени... Страшно не только, когда мы сталкиваемся с внешним злом. Еще страшнее, когда мы понимаем, насколько оно похоже на нас, близко нам...» (Парфенов М. С., интервью для сайта «Библиотека ужасов»).

Эта мысль проходит через все произведения сборника. В каждом из них герои, наши современники, так или иначе сталкиваются со злом. В некоторых рассказах это зло исходит от них самих («Бабай», «Мост»). Зачастую обрушивается на них извне («Гроб на колесах», «Конец пути», «Страна тараканов», «Снежки», «Тени по воде», «Что тебе снится?»). Иногда зло копится, зреет в них, сводит с ума, затягивает на свою сторону, превращает в злодеев («Благословенная тишина», «Остановка у кладбища»).

Таким образом, все вошедшие в сборник тексты в той или иной мере имеют дело со злом, с его проявлением, воздействием, с его буйством. Но не только и не столько это объединяет все эти истории. Главное в том, что эти рассказы (о паре исключений будет сказано ниже) – страшные. Парфенова М. С. смело можно назвать мастером страха, и сборник недаром называется «Зона ужаса». Мне, к примеру, множество раз было отчаянно, по-настоящему страшно. И не столь важно, какие эмоции сопровождали страху – отвращение, злость, брезгливость, – заканчивая каждый рассказ, мне приходилось брать передышку, прежде чем перейти к следующему. Чтобы унять нервы.

Зачастую бывает так: читаешь написанный в темном жанре текст, а он вместо страха вызывает скептическую ухмылку. Даже текст, написанный признанным авторитетом. С рассказами Парфенова М. С. этого не случилось. Достоверность – вот что есть в каждом из них. Героям веришь, кто бы они ни были и в каких бы ситуациях ни оказались. Образы и антураж проработаны настолько глубоко и психологично, что волей-неволей читатель оказывается вовлечен в действие, он начинает ощущать себя частью его, словно находится там – внутри текста, бок о бок с попавшими в отчаянное положение персонажами. И вот уже честность, которую автор считает своим слабым местом в социальном смысле, оборачивается сильной стороной в его творчестве.

Будь то психологический триллер («Мост»), зомби-апокалипсис («Снежки»), постапокалипсис («Конец пути»), современная готика («Тени по воде»), фантастика ужасов («Страна тараканов»), едва ли не сплаттерпанк («Гроб на колесах») или сугубый реализм («Остановка у кладбища», «Что тебе снится?»), все они вызывают страх. Парфенов М. С. одинаково уверенно чувствует себя в любой теме, за которую берется, и неизменно добивается цели – вызвать страх у читателя. Со мной, по крайней мере, ему этот фокус удался в абсолютном большинстве случаев.

Особняком в сборнике стоят рассказы «Ампутация» и «Корректуре», в которых автор не стремится прямо напугать читателя. Здесь он откладывает в сторону мясницкий нож, забывает о расчлененке, каннибализме и монстрах, зато вооружается иным инструментом – черным юмором. И на этом поле Парфенов М. С. играет ничуть не менее уверенно, чем на кровавом ристалище иных своих произведений. Анекдотичный финальный финт в «Корректуре» и дерзкая, парадоксальная идея «Ампутации» запомнятся мне надолго. Оба рассказа не раз вызывали улыбку, несмотря на хоррорный антураж, а скорее, благодаря ему.

Мы живем во время, когда моду устанавливают всевозможные топы и рейтинги. Напоследок я тоже выделю четыре истории от Парфенова М. С., которые оставили у меня наиболее яркие впечатления. Отдаю себе отчет, что мой вкус далек от идеала и сплошь и рядом не совпадет с предпочтениями других читателей. Но тем не менее отдам дань своим фаворитам и буду рад узнать, попал ли в резонанс с вашим мнением, если кто-либо сочтет нужным им со мной поделиться.

Итак, вот они, мои любимцы, те, что проняли до самого нутра: «Гроб на колесах», «Мост», «Снежки» и «Что тебе снится?».

В каждом из них есть нечто очень и очень самобытное, глубокое, бьющее под ложечку, под дых. В каждом это нечто свое, особенное. И вместе с тем общее для них всех – плод писательского мастерства, ноу-хау незаурядного литератора.

На этом я заканчиваю. И, знаете, немного завидую вам – тем, у кого то, что я пережил при чтении этого сборника, еще впереди.

Майк Гелтрин

Страна тараканов

1

Пешая прогулка от метро к дому, как правило, занимала у Кости Пургина минут двадцать, плюс-минус. Иногда чуть больше, если надо было заскочить в «Биллу», – он испытывал слабость к тамошним мороженым чизбургерам. Дважды в месяц, после получки и аванса, по пятницам мог заглянуть в местный паб, носивший оригинальное название «Паб», благо тот располагался буквально через дорогу от высотки, в которой Костя снимал квартиру. Так или иначе, но, даже если мутноватый, с привкусом кориандра «Хугарден» удерживал его в пивной дольше положенного, Костя все равно возвращался домой еще засветло. Самое позднее – на закате.

В этот раз дорогу ему уже освещали уличные фонари, а небо покрыла беззвездная ночная тьма. Трудовая неделя в маленькой фирме, где Костя работал, только началась, в «Биллу» заходить надобности не было, но он все равно задержался. И на то у него имелась очень даже веская причина.

Костя переехал в столицу несколько лет назад, мечтая, конечно же, устроиться поближе к центру. Собственная, обязательно двухъярусная, квартира (квартирище!) в Москва-Сити или окрестностях – вот о чем он лелеял мечты, но пока приходилось ютиться в Митино. Не худший вариант, на самом деле, и – лучшее из того, что он мог себе позволить. Всякий, кто хоть раз бывал в Митино, не считая местных жителей – тех, кто тут родился или жил уже долгое время, – подтвердит, что это еще не совсем *настоящая* Москва, но уже и не трущобы замкадья. В этот вечер у Кости состоялось романтическое свидание с девушкой из здешних, из тех, кто как раз считает себя полноценными москвичами. Уже третье по счету, но первое, когда Вика пригласила его к себе.

Они неплохо провели время: перекусили чуть теплой пищей за просмотром какого-то глупого фантастического фильма на ТВ-3, запивая красным домашним вином. Бутылку, подарок кубанских однокашников, принес с собой он, пиццу заказала она. Режиссером фильма был Джим Уайнорски, и ближе к финалу Костя, смеясь, сказал Вике, что в жизни не видел такого дешевого дерьма. А та вместо ответа мягким движением скользнула к нему на руки, подставляя полуоткрытые губы для поцелуя.

Потом, после первого, немного сумбурного акта, они вышли покурить, и Костя, смущаясь, показал на свой дом – с ее балкона на двадцатом этаже весь район был как на ладони, виднелась крыша и его высотки на другом конце Митино. «Хорошо, – кивнула Вика. – В следующий раз у тебя заночуем». Из-за уха у нее выпал непослушный выющийся локон, и сердце Кости затрепетало, как у подростка в пубертатный период. Она добавила, окинув взглядом открывавшийся с верхотуры пейзаж: «Как же все-таки здесь чертовски замечательно!»

В тот момент Костя готов был с ней согласиться, несмотря на свои мечты о Москве-Сити. Вид впечатлял. Башни панельных домов сторожили покой зеленых газонов, где, как блестящие камушки на дне фонтана, были разбросаны цветастые кругляши игровых площадок. Замечательно или нет, подумал он тогда, но жить здесь и правда не так уж плохо. Далековато, конечно, от *настоящей* Москвы, достаточно далеко, чтобы Костя пять дней в неделю жалел об украденных подземкой часах сна и отдыха. Но зато рядом с Викой, о чем жалеть точно не приходилось. А может, ну его к черту, этот Сити?..

Он продолжал думать об этом, возвращаясь к себе, пока лениво плыл по узкому руслу Третьего переулка, то и дело черпая подошвами асфальтовый ил. Мышцы все еще сладко ныли после второго, куда более продолжительного, нежного и выматывающего приступа страсти. На губах и языке осталась тень ее поцелуев. Костю клонило в сон, отчего все вокруг выглядело чуть иначе, фантастичнее, не так, как обычно. Мысли кружили в голове, как мотыльки в сказочном мареве фонарного света. Колонны многоэтажек подпирали темный небосвод, и он сам себе казался маленьким, но весьма довольным насекомым, бессмысленно копошащимся под ногами у мрачных великанов. Этот образ, можно сказать, материализовался, когда из зарослей овсяницы на тротуар перед ним выполз таракан.

2

Ползучие твари вызывали у него отвращение с детства, так что при виде этого уродца он внутренне содрогнулся и на время забыл про Вику. Фантазия о медовой реке Третьего переулка, которую Костя успел себе насочинять, треснула и разбилась на мелкие кусочки.

Их с тараканом разделяло несколько метров, но Костя при свете стоящего впереди фонаря достаточно четко видел овальное, цвета спелой маслины, тело. Приближаясь, смог разглядеть шесть изогнутых ножек и пару тонких усиков. Насекомое шевелило ими, напоминая слепца, орудующего не одной, а сразу двумя тросточками. Когда Костя в очередной раз с громким шорохом загреб подошвой асфальт, таракан не бежал обратно в траву, но даже наоборот – развернулся навстречу. Чуть задрал маленькую черную голову, зашевелил усиками, словно собираясь что-то сказать.

Эй, старичок, не подскажешь, как доползти до ближайшей свалки гниющих отходов?

Должно быть, это проснулись его собственные внутренние «тараканы». До знакомства с Викой у Кости с момента приезда было всего несколько свиданий тут, в столице, и все неудачные, так что он привык проводить вечера и ночи в одиночестве, разговаривая с самим собой. Со своими внутренними тараканами, у которых был вот этот язвительный, злобный голосок.

Слышь, дылда деревенская? Я что, за тобой гоняться должен?

Ребристый протектор китайской кроссовки припечатал нахальное насекомое к асфальту. Костя как будто наступил на перезрелую вишню – под пяткой раздался еле слышимый хруст ее невидимой косточки. Он хотел вытереть подошву о траву, но тут в кармане джинсов ожил смартфон.

Вика?.. О нет. Хриплым голосом Елена Ваенга весело сообщила ему о том, что даже Ван Гог пил абсент, а потому она не променяет зеленый цвет ни на что другое.

Костя поморщился, пока остатки его сонных мечтаний разлетались прочь, будто стайка птиц, потревоженных на стоянке. В его жизни хватало неприятных, но обязательных ритуалов: оплатить счета, вынести мусор... поболтать со своим персональным дьяволом. Следовало позвонить ей после работы, как он делал всегда, каждый вечер. Ему следовало сделать это, чтобы не нарушать заведенный обычай, но сегодня Костя отвлекся, у него в кои-то веки *был* повод отвлечься, и – забыл.

– И что же вы себе возомнили, молодой человек?!

Она выплевывала слова визгливой квакающей скороговоркой, *и шо жа вы са-бэ ва-за-мни-ли, ма-ла-дой ча-ла-вех*. Будто имперский штурмовик, стреляющий из бластера короткими пульсирующими очередями. Ему не нравилось часами кататься в московском метро, он терпеть не мог тараканов, но больше всего Костя ненавидел этот мерзкий говор. На избавление от кубанского акцента у него ушло полгода. Но всякий раз, когда он слышал ее голос в трубке, в нем просыпались те самые внутренние тараканы и начинали нашептывать о том, что ему, сраному провинциальному ничтожеству, никогда не стать *настоящим* москвичом.

По крайней мере до тех пор, пока жива эта старая пьяница.

– Прости, мам, совсем замотался. Как белка в колесе...

– Нет, посмотрите-ка на него! – Это звучало как *са-три-ти-ка-на-ни-хо*. – Мама места себе не найдет, ждет звоночка (*зва-но-щи-ха*) от сыночка (*сы-но-щи-ха*). А он...

Костя ясно представил, как та сидит на старой кухне, с дешевым мобильником в одной руке, банкой джин-тоники в другой и – квакает, квакает, квакает. Изрыгает пульсирующие сгустки плазмы. По с трудом ворочающемуся языку среди подгнивших, коричневых от никотина зубов ползают блестящие, перемазанные ее же желчью твари наподобие той, с которой он только что покончил. И с каждым словом, с каждым чертовым *иш-шо* валятся из разверстой могилы рта в вырез потасканного домашнего халата на массивную желеподобную грудь, шлепками отмечают встречу с клеенкой на крышке стола, с влажным чмоканьем падают в ее пойло.

Вытравить Елену Николаевну Пургину из своей жизни, как крикливый малоросский акцент, оставить прозябать в дурной компании двух старинных приятелей, джина и тоника. Забыть раз и навсегда. Не этого ли он хотел, не от назойливого ли ее внимания бежал в столицу?.. Напрасно! Мать была не из тех увядших пенсионерок, что в будни смотрят вечерние ток-шоу на Первом, а по выходным встают спозаранку, дабы позачеркивать цифры в билетах «Русского лото» и «Золотого ключа». В любой день недели, в любое время суток, трезвая или пьяная – в последние годы чаще пьяная – мать командовала. Привыкла держать на поводке кого-нибудь, на кого можно вдоволь поквакать. Прошлой осенью отчима сразил инсульт, и невидимая петля удушливой материнской «заботы» ту же прежнего затянулась на шее у Кости.

– Мам, ну правда, прости, – безуспешно пытался он оправдаться. – Завал на работе, устал...

– Уста-ал!.. О семье уже (*ужо*) и подумать некогда!.. Бессовестный... бесстыжий... весь в отца!.. Если (*ес-си*) вы, молодой человек, думаете там (*тама*) себе, что (*шо*) можете вот так запросто...

«Вели ей закрыть пасть и *за-пра-ста ат-ва-лить* от тебя, – шепнул внутренний голос. – Раздави погань. Слабо?! Сраная провинция! Потому и не живешь в *настоящей* Москве, а годами копошишься в дерьме у порога. Как таракан, как жалкий гребаный таракан. Ну хотя бы просто сказать «спокойной ночи» и выключить телефон ты способен, ничтожество? Это ведь...»

–...не так трудна-а?! Костя, ты вообще слышишь, шо мама тебе говорит?

– Да, – он замер перед пешеходной дорожкой, на перекрестке. Одинокий светофор механически мигал оранжевым глазом, как цветомузыка на самой бессмысленной в мире дискотеке. – Mam, прости, бога ради. Честное слово, нет сил... Спать хочу – умираю.

– Господи! (*хос-спа-ади-и*) – прошипел динамик телефона. – Время-то, время-то сколько (*ско-ха*)!.. А ты еще (*ии-шо, о боже, опять это «ии-шо»!*) даже не дома?!.. Да какая ж это работа, когда ночь на дворе?!

– Я уже почти дошел, мам, – вздохнул Костя (*раздави ее*), стараясь не прислушиваться к тому (*размажь чертову пьянь по асфальту*), что нашептывал мерзкий голосок. – Просто в офисе задержался на несколько часов. Пару багов нашли в новой версии софта, а на неделе уже сдавать в релиз, ну и...

– В голове твоей баги! – «Вот тут я с тобой согласен, ма, только ты сама и есть один из моих *ба-хов*». – Ни матери позвонить, ни жену завести, ни детей...

– Я работаю над этим, – прошептал он, ощущая, как покидают его последние силы: мать вытягивала из него энергию, словно пылесосом. *Вы-са-сы-ва-ла-се-со-ки*, образно *ха-ва-ря*. – Тут немного осталось, пара шагов буквально. Доброй ночи, мам. Я пойду... Завтра созвонимся, ладно?

– Да уж только попробуй не позвонить (*па-за-нить*)!.. Давай топай до хаты. Понятно?

– Да, мам. Хорошо, мам.

– Ну тогда... – Она замолчала, и Костя прямо-таки увидел, как, переводя дух, мамаша прикладывает к банке с джин-тонику. Когда Елена Николаевна продолжила, голос у нее дрогнул и приобрел плаксивые интонации: – Спокойной ночи тебе, сыночек. Утречком брякну тебе. Ты там, это... Не обижайся на старуху-то, ладно?.. Mamка дура, но любит тебя.

– Я тоже тебя люблю, – соврал Пургин и поспешно убрал телефон.

Ему хотелось прикрыть глаза и отключиться на минутку-другую самому. Перезагрузить голову. Ночная мгла поможет остыть его бедным кипящим мозгам. Может, даже удастся вновь настроиться, поймать ту романтическую волну, которая несла его раньше, до встречи с одной тварью и разговора с другой.

Он глубоко вздохнул. Смутное, горьковатое воспоминание: воздух его детства; он был свежее и с поздней весны до первых осенних ливней наполнял дом. Mam еще не похоронила отца, еще не стала жить с чужим пришлым дядькой, чтобы затем похоронить и его. Не спивалась за закрытыми ставнями, потому что вообще не пила. А он, маленький Костик, ночи напролет, бывало, воевал в своей спаленке с жадными до крови комарами...

С визгливым ревом мимо промчалась компания байкеров, расстреляв из пробитых выхлопных труб Костины сонные видения. В свете фонарей мотоциклетные шлемы матово блестели, как хитиновый панцирь, а рулевые рукоятки напоминали тараканьи усы.

«В этом городе полно насекомых, – подумал Пургин, провожая взглядом мотоциклистов. – В этом мире, в этой стране...»

И у каж-на-хо сва-и ба-хи в ха-ла-ве.

Краем глаза заметил какое-то движение на тротуаре. Оглянулся – и обомлел.

С десяток черных тараканов окружили влажное, подсыхающее пятно посреди асфальта. Тонкие ножки и усики беспрестанно шевелились. Как, наверное, двигались и челюсти, слишком мелкие, чтобы их можно было увидеть на таком расстоянии.

Тараканы жрали то, что осталось от их соплеменника.

Еще парочка каннибалов выглянула из овсяницы и метнулись к месту пирушки. А от основной массы вдруг отлип один («Новый вожак?... – пронеслось в голове у Кости. – У тараканов вообще есть свои вожаки?...») и, проворно перебирая всеми шестью ножками, устремился в его сторону. За смельчаком побежали второй, третий... Он не стал смотреть, насколько длинную цепочку образуют насекомые, прежде чем достигнут конца тротуара. Прежде чем доберутся *до него*. Не думая о том, как вообще могло его, взрослого мужчину,

напугать *странное* поведение *сранных* тараканов, Костя развернулся и быстрым шагом, почти бегом, пересек «зебру», чтобы исчезнуть на другой стороне дороги в тени своего подъезда.

3

За дверью его накрыло запахом вареной гречки и отдающей чем-то кислым, перебродившим, сыростью. Лампочка на потолке проигрывала неравный бой тьме по углам маленького холла. В каморке у консьержки было совсем уж темно, лишь слабо мерцал выпуклый кинескоп старенького «Рубина», бросая отсветы на такое же древнее и такое же квадратное лицо дежурной. Старуха жевала кашу и смотрела выступление мэра перед камерами. Звука у телевизора не было, поэтому казалось, что мэр тоже что-то молча жует. Заметив Костю, консьержка выудила пальцы из тарелки и поднялась со своего дивана:

– Здра-авствуйте!

– Добрый вечер, Азатгуль, – ответил он, отдышавшись. Перед глазами все еще стояла пугающая своей нелепостью картинка: темный ручеек хитиновых панцирей, целенаправленно, *осознанно* текущий в его направлении. Щеки вспыхнули то ли от того, что к лицу прилила отхлынувшая во время пробежки кровь, то ли от запоздалого стыда. Боже! Если бы Вика видела его позорное бегство, то, вероятно, следующее свидание у них бы уже не состоялось.

– Припозднились сегодня, – губы старой казашки растянулись в фальшивой подобострастной улыбке, такой же кривой, как и ее раскосые глаза. Над верхней губой торчало несколько волосков, а по нижней стекала, набухая на подбородке мутной каплей, пережеванная гречка. – На двенадцатом у Петровых сегодня праздник. Вроде как день рождения у девочки ихней. Я вот думаю, что это уже слишком. В такое время деткам спать давно полагается, а они все шумят-гуляют, в трубу для мусора пустые бутылки бросают...

Костя понятия не имел, кто такие Петровы. Некоторых соседей, с кем пересекался в лифте, возвращаясь с работы, он мог бы узнать в лицо, но по фамилиям и кто где живет – не разбирал. Кроме Азатгуль и еще одного пенсионера, дяди Вити, который жил этажом выше. Знакомству с последним, впрочем, Костя не особо был рад: старик был вредным и грубым. Семей же с детьми в доме хватало: на выходных площадка с качелями и песочницей, насколько он мог оценить, глядя из окна своей кухни, была заполнена. Скакала ли там среди прочей ребятни девочка Петровых, его совершенно не волновало.

– Вот они там пьют, едят, мусорят, а потом у нас в доме вредители заводятся, тараканы.

– Тараканы?.. – Костя невольно вздрогнул и не без труда удержал себя от того, чтобы оглянуться и посмотреть назад, на вход в подъезд, *не лезут ли ОНИ через щель под дверью*.

– Да, да! Тараканы!.. Нашар таракандар! – Старуха воодушевленно затрясла головой, с подбородка капнуло. – Гадкие тараканы. Вредные, опасные. Еду портят.

Она вытерла рот запачканной в каше ладонью, заставив его поморщиться: *Бывают люди не менее гадкие, чем «таракандары»*.

– И воду еще. Таракан любит воду, особенно такой, как эти.

– Крупные такие, черные? – Костя вспомнил раздавленную тварь: та больше смахивала на жука неизвестного вида, чем на типичного прусака.

– Да, да, точно! – Консьержка закивала еще радостнее, и вареные зерна гречихи полетели в его сторону. – Лесные таракандар, дикие. Мусорщик жаловался, когда днем заезжал. Много, много таракандар.

– Так вы сами-то их не видели?

– Видала, видала, а как же! Большой таракан, зулмат какой черный!.. Еду портить будет, по дому бегать будет, нашар таракандар!

– А что, Азатгуль... – осторожно поинтересовался Костя. – Эти таракандары... они вели себя как, нормально?

– Вели как?... – Она посмотрела на него с удивлением. – Как тараканы...

– Может, мусорщики обратили внимание? Ничего такого, странноватого, про этих таракандар не рассказывали?

– Ничего такого... странно-ватного... А! Вспомнила! – Глаза старухи широко распахнулись. – Голодные таракандар, шибко голодные!.. Такие голодные, аж пауков едят! Мусорщик шибко удивлялся. Говорит, первый раз такое видал. Говорит – так-то наоборот, пауки тараканов жрут, а тут задом наперед вышло. Голодные таракандар, шибко голодные! Всю еду портить будут. Воду портить будут. Сами не уйдут. Но я уже СЭС звонила. Правда, они если только завтра приедут, а то и в четверг. Лето, говорят, жара. Много сигналов, говорят, времени нету.

Последние слова консьержки привели его в чувство. *Вре-мя-та, вре-мя-та ско-ха!* Завтра снова метро с утра пораньше, работа. А он, вместо того чтобы распластаться по кровати, на полном серьезе слушает старческие бредни о страшно голодных тарасиках. Трясется от одной мысли про таракашек, что ползают ночами по улочкам Митино.

– Пойду я, пожалуй, Азатгуль. До свиданья, – спохватившись, он поспешил на площадку у лифтов.

– Это Петровы все! И Виктор Палыч!.. Мусорят! Из-за них вредитель завелся!.. – доносилась ему вслед.

– Да-да, я понял, Азатгуль! – отмахнулся Костя. – Таракандары атакуют!

4

В квартире было темно и душно. Хозяева денег на кондиционер пожалели, а окна Костя не открывал. Еще подростком привык держать ставни закрытыми, чтобы не получить от матери *на-ха-ний*. В детстве, впрочем, комарам окна не были помехой, а однажды он у себя в спальне обнаружил огромного сверчка. Здесь, в Москве, в Митино, подобных проблем он не испытывал – как-никак седьмой этаж. Но привычка осталась. Костя вывалил ключи и телефон на тумбочку в прихожей, скинул обувь и одежду. Прошел в одних трусах в уборную, помочился. Душ успел принять у Вики (и даже пожалел тогда, что та не пожелала составить ему компанию), так что просто сполоснул руки над раковиной и смысл пот с лица. На кухне перелил остатки воды из фильтра в кружку, одним махом осушил ее и заново наполнил приемник. Соорудив тощий сэндвич из белого хлеба и ломтика ветчины, отправился в спальню, где и поужинал в темноте, сидя на краю кровати.

Хос-спа-ди, весь-ва-ца! – квакнула где-то в подворотне сознания мать.

Мусора, мусора много будет, плохие таракандар! – вторила ей Азатгуль.

– Идите в жопу, – сказал Костя им обеим, а заодно и собственным внутренним таракандарам, быстро дожеввал бутерброд и улегся.

Наверху глухо громыкнуло.

Надеюсь, это табурет свалился набок, когда Виктор Палыч повис в петле.

Для бывшего слесаря дядя Витя пил не очень много, но имел дурную привычку, чуть выпив, засыпать в ванне, оставляя при этом открытым кран. И даже не думал оплачивать ремонт. Вот уж кто настоящий вредитель, не зря от него и консьержка воет. Впрочем, эта от всех воет... Костя был уверен, что и ему от нее тоже достается. «Тридцать два уже, а ни жены, ни детей, *а си-ме и па-ду-мать не-ха-да...*».

Почему старики всегда мешают жить молодым? Новое поколение должно мягко сменять старое, как после выхода новой операционной системы уходят в прошлое предыдущие.

Жаль, что их – Азатгуль, дядю Витю, мать и им подобных – нельзя стереть с винчестера планеты Земля.

Жаль, что их нельзя раздавить, как тараканов.

Жара и влага пропитали комнату. Простыня липла к коже. Спасаясь от духоты, он повернулся на спину, спихнув ногой одеяло. Все равно было душно. Температура?.. Могло продуть, пока шел еще разгоряченный от Вики. Костя помнил, что градусник лежит на верхней полке в боковой секции шкафа, подле кровати. Рядом с баночкой шипучих «Упса» и другими таблетками, за коробкой из-под обуви, в которой он устроил склад старых носков. Отыскать среди всего этого барахла термометр казалось так же просто, как Рокки Бальбоа нокаутировать Ивана Драго в первом же раунде. Но, может, дело не в температуре? Может, он просто переутомился, не выспался, да и нервы ведь не железные.

Костя попробовал отвлечься, вспомнить сегодняшнее свидание, Вику. Ее ласки... У него с первого раза толком ничего не вышло – слишком долго вся его половая жизнь сводилась к мимолетным передергиваниям шкурки под одеялом. Так что девушке пришлось помогать. Сейчас ее помощь ему тоже не помешала бы, но перед глазами вместо блондинки с маленьким, упруго выпирающим под юбкой задом внезапно нарисовалась мать, непотребно пьяная и голая.

Свесив меж целлюлитных бедер многочисленные жировые складки, Елена Николаевна по-жабы растеклась на столике перед кроватью, где стояли ноутбук и совмещенный с ксероксом принтер. Открывала и захлопывала гигантскую пасть, словно порываясь издать любимый всеми жабами звук, но изо рта с протяжным шелестом – *ссскырссссск* – высккивала бумага. Потом мать сыто рыгнула и превратилась в Азатгуль, лицо которой снежило помехами, как кинескоп старого «Рубина». Пару секунд спустя помехи исчезли, на экране, то есть прямо на лице казашки, возник Виктор Палыч, в классических трениках и майке дающий интервью для ТВ-3. Дядя Витя с умным видом жевал гречку и рассказывал что-то про санитарно-эпидемиологическую ситуацию в Митино. И мял в мозолистой ладони бумагу для ксерокса – ту самую, которой блевала мать.

Косте было что сказать дяде Вите о соблюдении чистоты и порядка в их доме. Он хотел попросить – нет, потребовать! – чтобы тот больше не оставлял открытым кран, потому что в прошлый раз на обоях проступили темные сырые пятна, которые затем, засохнув, вздулись уродливыми пузырями. От этой сырости, а еще от жары, хотел сказать Костя, в доме могут завестись *большие черные таракандары*. Зулмат какие голодные. Еще он был готов умолять, пасть перед столиком на колени и молить, молить со слезами на глазах, только бы дядя Витя прекратил мять и царапать бумагу, потому что тихое, шелестящее *скырск-скырск* сводило с ума.

Или нет, ничего в руках у соседа не было. На самом деле бывший слесарь выполз из телевизора и, проникнув в спальню к Косте, вскарабкался на шкаф. С трудом пропихнул свое грузное тело в узкую нишу под потолком и сосредоточенно скреб отставшие от стены обои.

Скырск, скырск. *Скырск, скырск, скырск*. Пауза... *Скырск-скырск*, дядя Витя, смешно дрыгая пятками, заполз в угол и, скырск-скырск-скырлся из вида.

Надо его найти, *скрыск-скырск*. Хотя он, скырск, может, скырск, и подождать, *скырск-скырск-скырск*.

Костя не хотел слушать эти мерзкие звуки и видеть мерзкого дядю Витю тоже не хотел. Это, в конце концов, *его* сон, а не чей-то еще. Стоило подумать об этом, как назойливый сосед исчез. Последний, кого Костя увидел во сне, был его отец. Не отчим – родной. Верный напарник по играм и рыбалке, старший товарищ во всем, что касалось компьютерных прибабасов. Именно отец подарил Костику его первую игровую приставку, «Денди», а до нее древний БК, понимающий компьютерный язык «бейсик». Теперь отец лежал в сосновом гробу, покрытый саваном, как будто запорошенный снегом по плечи, и держал в сложенных

на груди руках простое деревянное распятие. За изголовьем гроба стояла крышка – словно долговязый солдат в коричневой шинели, лениво прислонясь к стене, ждал приказа вступить в бой. Комната, в которой маленький Костик угадал сени родной хаты, источала холод и мрак. Сладко пахло подгнившим сеном и плесенью.

Но это же сон. Разве сны пахнут?..

Отец медленно повернул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

«Поди-ка сюда, сынка», – сказал отец, и его густые черные усы зашевелились как тараканы.

...Маленький Костик робко шагнул вперед. В нем боролись два чувства: желание обнять папу и страх, что тот схватит его за плечи своими большими руками и затащит в гроб.

«Поцелуй батю в щечку», – тень пала на бледное худое лицо, глаза папы стали черными как тараканы.

...Костик приподнялся на цыпочках, чтобы прижать губы к сухой и прохладной папиной щеке. Усы неприятно кольнули кожу.

«Сынка, *скырск-скырск*», – глухо сказал отец.

Тут Костя вспомнил, что отец уже давно мертв, и что сам он сейчас находится за многие километры от дома, в съемной квартире в Митино. Он сейчас спит...

И У НЕГО ПО ЛИЦУ ПОЛЗЕТ ТАРАКАН.

5

Вскрикнув, Костя вскочил с кровати и метнулся к стене. Хлопнул ладонью по выключателю. Электрический скальпель полоснул зрачки, перед глазами замельтешили черные точки. Косте на миг почудилось, будто это десятки, сотни тараканов разбегаются по углам комнаты. Он ощущал прикосновения мерзких щетинистых лапок повсюду: на животе, груди, шее, щеках. И ему все еще было щекотно.

Некоторое время он тер и отряхивал свое голое тело, пока не почувствовал шевеление (*скырск*) в волосах на черепе. А когда запустил туда пятерню, что-то, что копошилось (*скырск-скырск*) там, больно ужалило, впилося в натянутую тонкую кожу между указательным и большим пальцами. Заорав, Костя отшвырнул насекомое в сторону шкафа. Издав щелчок, с каким трескается сухая ветка, оно ударило по гладкой зеркальной поверхности и свалилось на пол.

Эта тварь хотела залезть тебе в рот.

Костя посмотрел на свое отражение в стенке. Белки глаз покраснели.

Она могла попасть тебе НА ЯЗЫК.

Открыл рот.

Ты мог ее ПРОГЛОТИТЬ.

Во рту было пусто.

ОНА УКУСИЛА ТЕБЯ!

Взглянул на руку и увидел на тыльной стороне ладони алую каплю. Невероятно! Его ни разу в жизни не кусали тараканы, и он никогда даже не слышал о таком, чтобы тараканы вообще кого-либо кусали *до крови*. Но жгучая боль, распространяющаяся по кисти вокруг укуса, прямо сейчас, в этот самый момент, опровергала весь его предыдущий жизненный опыт, связанный с мерзопакостными насекомыми.

«Рану стоит обработать», – подумал он.

Черт с ней! Дело ведь совсем в другом, не так ли?

Внутренний голос не унимался.

Если ты не найдешь таракана, то уже не сможешь сегодня уснуть. Возможно, никогда уже больше не сможешь нормально спать, зная, что стоит прикрыть веки, как мерзкая

гадина вылезет из своего укрытия и заберется – теперь уж ТОЧНО заберется! – тебе в рот, ноздрю или ушную раковину. И будет ползать там, скребя твои внутренности щетинистыми лапками, трясь лоснящимися бочками, щекоча отвратительными усиками...

Его начало колотить от отвращения, по спине побежали мурашки.

Костя осмотрелся. Насекомое куда-то уползло, скрылось, а ему, он знал, было *жизненно* важно, просто необходимо отыскать и уничтожить эту тварь. Тем более, в комнате могли найтись и другие, ведь тараканы редко ползают по одиночке. Сваленное на пол одеяло цеплялось за кровать, как утопающий за борт спасательной шлюпки. Так же остатки здравого смысла Кости цеплялись сейчас за детали обстановки, чтобы окончательно не потерять связь с реальностью. Шкаф, столик, компьютер, занавеска, кровать...

Одеяло упало, издав тихий шорох: *ссскырссск...*

Костя побросал сверху подушки. Сорвал простыню, почти с благоговейным трепетом ожидая обнаружить под ней ошетилившуюся усиками и ножками мразь. Или с десятков-другой ей подобных.

На голом матраце желтели пятна – засохшие следы долгих холостяцких ночей, чуть более заметные, чем стертые мозоли на внутренней стороне его правой ладони. Свалявшиеся шерстяные катышки неизвестного происхождения. Несколько хлебных крошек, мумифицированный мушиный трупик... Никаких таракандаров. Вообще никакой поганой живности. Костя приподнял матрац, но и под ним не нашел ничего, что могло бы перебирать лапками и скрестись о ткань, издавая мерзкие звуки.

Сынка, скырск-скырск.

Он застыл, недоуменно озираясь. Что это? Показалось?.. У него начались эти, как их, слуховые галлюцинации? Может, он уж вконец рехнулся? Вот Вика-то обрадуется!.. Способен ли тараканий укус повредить мозги?..

Скырск? – в этом было что-то издевательско-вопросительное. Словно то, что издавало эти шорохи, вежливо пыталось уточнить, все ли верно Костя расслышал с первого раза.

«Откуда? Шкаф?..»

Скырск-скырск-скырск! – из сваленного на пол белья. В складках под белой тканью копошилось что-то темное. Он босой ступней отбросил угол простыни в сторону и увидел то, от чего полупереваренный сэндвич моментально взлетел по пищеводу к самому горлу и Костю едва не вырвало прямо на пол.

Их было двое. Один, огромный, настоящий гигант, раз в пять крупнее обычного рыжего таракашки, оседлал другого, меньших размеров – видимо, самку. В желтом свете комнатной лампы тельца тварей матово лоснились. Щетина на лапках большого таракана напоминала зазубрины на лезвии армейского ножа. Передними конечностями самец обхватил и удерживал свою подругу, а задними упирался, скользил, *скырск-скырск*, по ткани, приподнимаясь над партнершей. Усики у обоих активно шевелились, а сами тараканы замерли в нечестивой пародии на двух слившихся в любовном экстазе людей.

Голос в голове у Кости зашелся истерикой:

Это ты, ТЫ, говённая деревня, их сюда притащил! Э-та та-ра-ка-ихи из ба-ихи твоей ма-ма-ихи, кубаноид!

Ну нет! Костя подавил подкравшийся к горлу смешок. Какой бы сволочью ни была его ма, в ее маленькой глупой голове не водилось гигантских, способных укусить человека до крови насекомых. Скорее уж эта парочка выглядела как монстры из давешнего фильма с ТВ-3. Как плоды больной фантазии какого-нибудь Джима Гавнорски.

ТЫ МОГ ЭТО СЪЕСТЬ! – завопил озлобленный маленький Костик у него внутри.

И он стал топтать простыню.

6

Под пяткой влажно хрустело, *скыр-рск*, и жидкость, похожая на гной, заляпала светлое белье. Костю едва не вырвало от нового приступа тошноты. Зарычав от нахлынувших ярости и отвращения, он поднял ногу и снова ударил, и так повторял раз за разом, буквально вбивая белье в ламинат.

Эта!

Погань!

Ползла!

У тебя!

По лицу!

«И лучше не думать о том, что так могло продолжаться дни, *скыр-рск*, недели, *скыр-рск*, и даже месяцы, *скыр-рск*, *скыр-рск*, *скыр-рск*, ночь за ночью, правда?..»

ТЫ!

МОГ!

ЭТО!!

СЪЕСТЬ!!!

В какой-то момент Костя запыхался, обессилел и остановился. Внизу на простыне расплылось пятно желтовато-коричневой слизи, похожее на лопнувший перезревший прыщ. Мелкие частички хитина и раздробленных конечностей плавали в гадкой лужице. Стопа болела, руку в месте укуса жгло, а по телу разливалась холодная равнодушная пустота. Казалось, если прислушаться, то можно уловить, как слабый ветер гуляет в тоннелях кишок.

Молодцом, сынка! Одолеl супостата!

А-та-мстил за па-па-чху!

Костя то ли мысленно, то ли вслух, он сам не понял, велел замолкнуть обоим родителям: и мертвому, и живой. Потому что единственный уцелевший тараканий усик вздрогнул. Из-под кашицы, в которую превратилось туловище крупного насекомого, высунула головку чудом уцелевшая самка. Зазубренный кончик ножки нащупал опору, лапка переломилась в сочленении, напоминая хищно загнутый коготь. И тараканиха медленно поволокла вперед лопнувшее брюхо, оставляя гнойный след из перемешанных между собой внутренностей, своих и своего любовника.

э-та та-ра-ка-ихи из-ба-ихи тва-ей ма-ма-ихи

«Живучая, сука».

Он кинулся на кухню. Дрожащими пальцами нащупал выключатель, щелкнул тумблером – и чуть не заорал, увидев, как по керамограниту разбегаются несколько тараканов помельче. Одного Костя успел припечатать ножкой попавшегося под руку стула.

«ДА КОГДА ВЫ ТОЛЬКО УСПЕЛИ НАБИТЬСЯ КО МНЕ В КВАРТИРУ?!»

Спокойно, селянин. У тебя ведь есть план? Вот и следуй ему. И не паникуй, деревенская блевотина! Попробайся хоть раз что-нибудь сделать правильно в своей никчемной жизни. И лучше с первой попытки, а не как с Викой.

Давай, сынка! У тебя все получится!

Ма-ма-чха лю-би-т ти-бя...

– Заткнитесь все на хер! – рявкнул Костя. Метнулся к ящику кухонного стола. Взгляд почти сразу напоролся на то, что ему сейчас было нужнее всего на свете.

Старый тяжелый молоток, доставшийся от хозяев. С деревянной, темной от времени рукояткой и мощной ударной головкой из закаленной углеродистой стали. С таким на медведя ходить, не то что на тараканов.

Костя схватил инструмент и тут же с криком выронил его обратно в ящик, почувствовав резкую боль в подушечке мизинца, точно под ноготь вонзилась раскаленная игла. Когда он затряс рукой в воздухе, то увидел, что в кожу вцепился еще один таракан.

– *Хос-сна-ади-и!* – выдохнул Костя, не заметив, как вернулся к нему ненавистный кубанский акцент.

Отодрал от себя насекомое. Тварь изворачивалась у него в пальцах – он готов был поклясться, что слышит, как злобно щелкают микроскопические челюсти. Торчащие из брюшка конечности отчаянно елозили по воздуху. Живот таракана имел удивительный розоватый оттенок, и Костя с отвращением подумал, что это, должно быть, виднеется его кровь.

Борясь с тошнотой, он положил ублодка на стол, лапками кверху, и, прежде чем тот сумел перевернуться, с размаху опустил на него молоток. От удара у старого стола чуть ножки не повылетали, а от таракана в буквальном смысле осталось лишь мокрое место.

Костя потряс молотком в воздухе, торжествуя.

Повоюем, сынка!

– Так точно, бать!

Босиком, в одних трусах, зато с молотком – этим молотом тараканьих ведьм – в кровотокающей руке, Костя прошел обратно в спальню, распахнул дверь и замер.

Сначала он подумал, что, выходя, по привычке выключил свет.

Потом поднял взгляд наверх, к лампе. Молоток глухо стукнул о ламинат, выпав из вмиг потерявших чувствительность пальцев.

7

Потолок шевелился. Он был черен от покрывавших его толстым слоем тараканов. Они напозлали друг на друга, толкались и падали на пол, на сваленное возле кровати белье, на матрац. Как черный снег. Как ретроверсия картинки из «Матрицы», где вместо зеленых цифр кода вниз по экрану сыпались черные крошки. Словно огромный трехмерный «Тетрис» в черно-белом варианте.

В этом было даже что-то величественное.

Костя успел заметить, что начало бурлящему океану тьмы давал угол за шкафом. Кусок обоев отстал там от стены, обнажив глубокую кривую трещину, из которой расширяющейся кверху воронкой ползли все новые и новые насекомые. Их здесь теперь были, наверное, уже тысячи, десятки тысяч. Грозди и россыпи тараканов облепили стены. На черном от тараканов столике покачивалась распахнутая крышка ноутбука, тоже черная из-за ползающих по ней тварей. Белая занавеска на лоджии выглядела так, словно какой-то бродяга рисовал на ней граффити черной краской из аэрозольного баллончика – только этот рисунок был живой, дышал и копошился.

Скырскскырскскырскскырскскырск – услышал Костя.

А потом с потолка на лицо ему скакнул таракан.

– А! – вскрикнул Костя, когда таракан укусил его в лоб.

Другое насекомое спикировало на шею. Третье упало в волосы на макушке.

Отмахиваясь от падающих, словно капли быстро набирающего силу дождя, гадов, он попятился в прихожую. Ушибленной пяткой задел валявшийся на полу молоток, потерял равновесие и с новым криком опрокинулся на спину. Затылком больно стукнулся об пол, от удара голова подскочила на долю секунды, а потом по инерции ударилась снова. Повторный удар был слабее, но отозвался в голове Кости многократным раскатистым эхом – смутно знакомым, как в детстве, на Кубани, когда отец водил его в пещеру на горе со смешным названием Индюк. Воспоминание всплыло из тьмы на секунду, когда Костя потерял созна-

ние. Затем он приподнял гудящую голову и увидел, что лежит у входа в такую же пещеру. С высокого свода лились черные струи.

скырскскырскскырскскырскскырскскырск

Жалящая боль пронзила ноги сразу в нескольких местах, на ступнях и щиколотках: первые тараканы уже успели облепить их, а некоторые забрались даже дальше, приближаясь по голым худым бедрам к области паха. Костя почувствовал, как сжимаются в комок его яички. Он шарахнулся спиной назад, усиленно работая ногами и руками, чтобы сбросить с себя насекомых. Черная шуршащая волна неторопливо накатывала из спальни, готовая накрыть его с головой. Он заставил себя подняться, не обращая внимания на боль в голове и ногах. Захлопнул дверь. Несколько тараканов зажалось в щели внизу, гнойные брызги запачкали выкрашенный белой краской косяк.

«Хозяева будут ругаться», – подумал Костя.

Потом он подумал, что ему совершенно насрать, что скажут квартиросдатчики, – он здесь все равно больше жить не станет. Ни за что. Никогда.

Скырскскырскскырск, тараканы протискивались в щель под дверью.

Скырскскырскскырскскырскскырск – раздалось у него за спиной. Кухня! Он обернулся.

Их там было пока не так много, как в комнате, но орда прибывала на глазах. Они ползали по ножкам и крышке стола, по стульям, карабкались по отвесной стене холодильника, десятками выбегали из приоткрытой уборной. Костя увидел, как накренилась и рухнула вниз фильтрационная установка, услышал треск раскалывающейся пластмассы. Вода разлилась по полу, и это отвлекло тараканов, дав ему время прийти в себя.

«Влага. Им нужна влага».

Твари сгрудились над лужей неким подобием конуса или пирамиды. Шуршащая гора дрожала, как проснувшийся, готовый вот-вот извергнуться вулкан, и быстро прибавляла в высоту. Очень скоро от воды не останется ничего, понял Костя.

И тогда они обратят внимание на другой источник жидкости. *На него.*

«Плохие таракандары. Злые, голодные, жаждущие человеческой крови таракандары».

Беги, твою мать, деревня, беги!

Костя почувствовал острое желание опорожнить мочевой пузырь и стиснул зубы, а потом, в кулаке, и мошонку. Обмочиться, сейчас? С тем же успехом можно сунуть в рот сдвоенный ствол «Ижа» и спустить курки. Черт, возможно, он бы так и поступил, но ружья под рукой не было – отцовская берданка осталась дома, на Кубани.

По ногам у него текла кровь, и обе руки тоже были в бурых пятнах. Он поднял молоток с пола, попутно размазав по рукоятке небольшого таракана. На глаза попала дверь в комнату и щель, в которую продолжали лезть новые твари. Пол рядом был покрыт мелкими крупичками белой краски и древесной щепой. Отверстие становилось шире, потому что – приходилось верить собственным глазам, хотя разум отчаянно протестовал, – тараканы прогрызали дерево. Еще минута, и он окажется зажат в тисках, окруженный со всех сторон.

Тараканы не пожирают людей. Не могут вести себя настолько разумно и вместе с тем дико. Удел тараканов – подьедать крохи со стола и лакомиться падалью из мусорного бачка. Разве не так?

С другой стороны, разве не думал он прежде о самом себе, своих соседях и даже об их детях как о падали? Так ли уж странно, что жизнь, по обыкновению, воплотила в реальность худшие из его представлений?.. Та трещина за обоями выглядела глубокой и длинной, словно начало брала в самом сердце Ада. А сколько таких разломов могло быть во всем доме? Большое, высоченное жилое здание, целых двадцать два этажа отборной столичной падали. Настоящий пир для изголодавшейся орды.

Что ж, ничтожество, хотя бы сейчас ты начал ощущать себя москвичом...

СКЫРСКСЫРСКСЫРСК

...а теперь беги. Беги, пока не поздно, сука!

Костя потянулся к тумбочке за ключами и схватил их, не глядя, вместе с телефоном. Застрявший в волосах таракан укусил его за мочку уха. Костя воткнул в него ключ. Еще один укус обжег большой палец ноги. Шорох тысяч насекомых стал громче и возвысился до подобного водопаду рокота, когда дверь спальни треснула и разошлась посередине под напором тараканьего цунами. В прихожую хлынула черная шуршащая хитином масса.

Костя отбежал к входной двери и обрушил позади себя тумбочку, чтобы выиграть еще несколько секунд драгоценного времени.

Тебе всегда не хватало времени, деревенщина. Ни на сон, ни на отдых... Ни на жизнь.

Трясущимися, скользкими от крови пальцами он повернул круглую фалевую ручку, как никогда радуясь тому, что, будучи дома, замыкал дверь лишь на один поворот, а не полностью, на два с половиной. Лишние мгновения, дарующие надежду.

СКЫРСКСКИЙРСКСКИЙРСКСКИЙРСКСКИЙРСКСКИЙРСКСКИЙРСК

Не оглядываясь, – он знал, что черная волна уже накрыла тумбочку и перехлестывала через нее, – Костя дернул дверь, поспешно скользнул в узкий проем, ободрав бок о металлическую лутку, и, перехватив ручку замка уже с внешней стороны, всем весом потянул на себя. Сталь лязгнула о сталь, а спустя секунду до его слуха донесся множественный дробный стук – будто сотня озорников устроила соревнование по стрельбе горохом из трубок, используя в качестве мишени дверь его квартиры.

Пусть ломаются сколько угодно, сталь им не по зубам. По крайней мере ему хотелось на это надеяться. Костя запер замок и оставил ключ в скважине, закупоривая металлом последнее отверстие.

Теперь оставалось самое простое: понять, что делать дальше.

8

Стучать в квартиры соседей, звать на помощь?

Ну да, гений, ты хоть представляешь, какой у тебя сейчас видок?

Из одежды на Косте остались только трусы, в которых он ложился спать. Руки и ноги продолжали кровоточить, раны жгло, как будто по коже ласково провели паяльной лампой. Мелкая деталь, дополняющая портрет обезумевшего провинциала, – молоток, испачканный какой-то пакостью.

И телефон.

Он мог позвонить. В «Скорую помощь», пожарным, копам – кому угодно, кто приедет и разберется со всем этим безумием.

«Ага. Давай звякни и расскажи им, что отборные тараканый войска только что совершили вторжение на суверенную территорию твоей съемной квартиры. Посмотрим, как скоро после этого ты попадешь в желтый дом на Волоколамке».

СЭС. Надо звонить в СЭС, тараканы – это по их части. Азатгуль звонила – вспомнил Костя. Она знает номер. А он знает ее, еще несколько часов назад они разговаривали о вредителях-таракандарах.

Правда, старуха вряд ли сильно обрадуется, увидев соседа в одних трусах.

«А с чего ты взял, умник, что лишь С ТОБОЙ этой ночью что-то случилось?»

Только тут Костя сообразил, что, помимо непрекращающегося дробного стука с той стороны двери, слышит и другие звуки. Много звуков. Они наполняли дом, сливаясь в единую приглушенную какофонию, будто музыканты огромного оркестра, готовясь у себя в яме к концерту, настраивали инструменты. Он различил некоторые из них: партия плачущего ребенка, литавры бьющегося стекла, разноголосые духовые женских и мужских криков.

На негнущихся ногах Костя вышел из коридора на площадку к лифтам. Из-за закрытых створок в шахте доносились могучие удары. Бух. Бух. Словно какой-то шутник с чувством юмора, как у идиота с Волоколамки, запер в лифте разъяренного носорога.

Он вспомнил про лестницу. Дверь к ступенькам – обычная деревяшка с мутным куском стекла – располагалась напротив мусоропровода, сразу за лифтовой площадкой. Костя прошел туда, оставляя на грязной плитке алые отпечатки. В шахте бухнуло особенно сильно, и что-то заскрежетало. Свет на площадке моргнул. Костя поднял голову – по плафону светильника с внутренней стороны сновали многоногие тени.

Когда он приблизился к выходу, ржавый короб мусоропровода с отчетливым лязгом распахнулся, как пасть неведомого зверя, и из него хлынули тараканы. Труба выблевывала их толчками, потому что желающих выбраться наружу было слишком много. Костя успел выскочить на лестничную клетку и захлопнул за собой дверь прежде, чем первая волна врезалась в нее с другой стороны. Он зафиксировал дверную ручку в поднятом положении и уставился в ужасе на стекло, через которое, впрочем, все равно ничего нельзя было разглядеть.

– Думаешь, это их надолго удержит?

От неожиданности и испуга Костя подпрыгнул на месте, и его мочевого пузыря непроизвольно расслабился. Он слишком долго терпел и теперь с отстраненным удивлением осознал, что испытывает жгучий стыд от того, что обмочился, хотя в сложившейся ситуации расстраиваться из-за таких мелочей было, пожалуй, довольно глупо.

– Смотрю, кто-то вполне способен залить свою халупу и без моей помощи, – хмыкнул дядя Витя. Он стоял на площадке выше, на полпути с восьмого на седьмой этаж. Шлепанцы на босу ногу, тренировочные штаны с полоской, от века не водившая знакомства со стиральной машинкой майка, – все как всегда. Когда Виктор Палыч сошел по ступенькам, Костя разглядел, что руки у него испачканы красным, а небритая физиономия как будто напудрена.

– Хреновый из вас клоун, Виктор Палыч, – выдавил Костя. Он стоял перед соседом в одних трусах, по ногам у него текло, но ему хотелось хихикнуть.

– Ян Арлазоров мой ученик, – сказал дядя Витя без улыбки. – Скушай Машеньку.

– Чего?

– Мел жри, говорю, зассанец, – дядя Витя протянул пакет, в котором и правда лежало несколько кусочков белого мела. На пакете была наклеена этикетка с надписью «Машенька» и рисунком, изображающим дрыгающихся, как в танце, рыжих тараканов. – Я тридцать лет слесарил, всякой живности повидал по подвалам. А до того на кораблях плавал, там у нас и похуже твари водились. Борной кислоты в нужных для зачистки объемах у нас нет, «Раптор» у меня кончился, а ты, ссыкло, как видно, решил прогуляться налегке. Остается «Машенька», без вариантов. Отрава не моментального действия, но хоть какая-то, да защита.

Костя безропотно сунул руку, запачкав край пакета кровью, и вытащил кусок мела.

– Жри.

– Есть-то зачем?

– А чтоб я знал, что к тебе в башку прусак не заселился, – сказал дядя Витя так, словно это все объясняло.

– Но ведь это же яд. Мне плохо не станет?

– Куда уж хуже-то? – Глаза старика серебрились безумием, но в его словах была доля правды. Костя провел мелком себе по лбу и щекам, начертил белый смазанный крест на груди и положил оставшийся шарик на язык, под нёбо. На вкус «Машенька» оказалась горькой – каким, наверное, и должен быть мел.

– Вот и правильно, без вариантов, – удовлетворенно кивнул дядя Витя. Сделал шаг в сторону, чтобы не наступить в желтую лужицу, растекающуюся под ногами у Кости, заодно придавил шлепанцем пробравшегося в щель под дверью таракана. – А теперь валим отсюда,

если ты, конечно, уже закончил орошать поляну. Как по мне, здесь сколько ни удобряй – один хрен ничего не вырастет.

Они стали спускаться. Первым шел дядя Витя – не торопясь, осторожно, осматриваясь по сторонам и внимательно слушая малейший шорох. Прежде чем перейти на следующий лестничный пролет, он высовывал голову сверху за перила и просматривал предстоящий отрезок пути. Воняло кошачьей мочой, но Костя и сам пах изрядно. На пятом этаже им встретилась кучка засохшего собачьего дерьма, а на стене в переходе чьей-то, судя по высоте надписи, детской рукой было выведено: «КТО МЫ – МЯСО!» и буква «С» в криво намалеванном ромбике. Костя мрачно подумал о неожиданно пророческом смысле этого послания.

– Блаттоптероз, – изрек дядя Витя во время очередной краткосрочной остановки. – Так это врачи называют. Вред, который могут причинить людям тараканы. В основном дерматиты всякие, ну и прочие гадости.

Возможно, он просто заскучал, а может, считал, что делится крайне важной информацией. Косте было все равно. Его раны горели адским пламенем и сочились кровью, голова раскалывалась. К тому же он начал мерзнуть. Но рядом с дядей Витей чувствовал себя определенно лучше, чем прежде. Спокойный, деловитый голос бывшего слесаря согревал лучше любого калорифера. И Костя радовался звукам этого голоса, заставившим умолкнуть его проклятых внутренних тараканов.

– Вообще, лучшую в мире защиту от тараканов дала нам сама природа. И дело тут не в нас, не в наших размерах, – продолжал дядя Витя. – Размеры тут больше в минус. На флоте – а я по Тихому три года бороздил, чтоб ты знал, – был у нас случай. Одному матросику мелюзга такая прям в ухо заползла, пока тот спал. Залезть-то гнида залезла, а развернуться и обратно выползти – не может. И задницей наперед ползать – не умеет, без вариантов. Копшилась так, что аж кровь у бедолаги из уха течь начала. Ох и намучился парнишка! Хорошо, что медик толковый оказался. Ну тогда других на флоте и не держали, без вариантов. Это тебе не по подъездам ссать, хех.

– Вытащил?

– Вытащил, само собой. Матросика, правда, все равно на сушу списали. Отказало то ухо у него. Перепонку, что ль, таракашка повредил. Хрен знает...

– ...без вариантов, – закончил Костя. Ему хотелось быть полезным: – У меня телефон есть, мобильник. Может, копам... в милицию позвонить?

– В полицию, – поправил дядя Витя. – Это можно. Только выйдем вот – и звони. А лучше военным. Но это когда выберемся отсюда. В данный момент нам от них пользы мало.

– Тогда... тогда я девушке своей позвоню. – Костя дрожащими пальцами набрал номер Вики, но мерцающий экран сообщил, что абонент недоступен.

Оставалось надеяться, что она просто легла спать, выключив мобилу. Что бедствие коснулось только их дома, а не охватило весь район... или того хуже – весь город.

– Давайте хоть посвечу, – Костя включил фонарик в настройках смартфона и направил его на ступеньки.

– Другое дело, – ухмыльнулся дядя Витя и выхватил у Кости мобильник. – А я-то думал, ты только ссаться умеешь, салага.

Они продолжили спуск, но теперь пошли быстрее. Дядя Витя светил телефоном перед собой, а Костя ковылял следом. Происходящее отдавало бредом: десять минут назад он спасался бегством от полчищ плотоядных насекомых, полчаса назад спокойно дремал в кровати и видел сны. Не очень хорошие (*сынка, скурск-скурск*), но сны. И вот опять будто погрузился в кошмар. В этом видении вредный, пьющий сосед все больше напоминал ему отца – человека, на которого всегда и во всем можно было положиться... пока тот не умер. И даже привычное хамство бывшего слесаря Костю уже не раздражало, а казалось чем-то совершенно нормальным. Так, должно быть, в армии старшина по-отечески, не со зла, матюгает

новобранцев, чтоб знали свое место. Место Кости было позади командира, а командовал сейчас Виктор Палыч.

Они выбрались в холл первого этажа. Здесь царилась ночь. Во тьме слабо мерцала зеленым лишь кнопка вызова у одного из лифтов. Грохот в шахте прекратился, в тишине («мертвой тишине», – пришло на ум Косте, и он вздрогнул) чудилось гудение натянутых в стылом воздухе стальных тросов. Он не хотел думать, *что* могло по ним карабкаться, вызывая вибрацию.

Дядя Витя поднял руку с телефоном. Подсветки хватало, чтобы развеять мрак метра на три, не больше.

– Не нравится мне это, – сказал дядя Витя. – Как затишье перед бурей. Двигаем помаленьку... Не торопиться. Не шуметь. Аккуратненько.

От выхода на улицу их отделяло, по прикидкам Кости, шагов тридцать. Несколько ступеней, широкий коридор, комнатка дежурного по подъезду.

— Азатгуль, — вспомнил он.

– Черт! И правда. Спит, наверное, чурка нерусская... – Дядя Витя опустил телефон, раздумывая. Потом посветил Косте в лицо: – Значит, так. Стоишь тут. Ждешь меня. Я найду к старухе, проверю. Очень, очень надеюсь, что она не заорет с перепугу, когда я ее будить начну. Но вот тебе... для твоего собственного здоровья, ссыкун, будет лучше оповестить меня, если заметишь, что эти гады сюда лезут. *Без вариантов.* Понятно выражаюсь?

Костя кивнул, дрожа всем телом и уже не только от холода. Дядя Витя окинул его взглядом серебристых старческих глаз и усмехнулся:

– Не ссы, ссыкун. Не из такого дерьма выплывали...

Костя очень хотел ему верить. Однако вера его пошатнулась, когда дядя Витя отобрал у него молоток и сунул за пояс своих великолепных тренировочных штанов.

– На всякий случай. А случаи бывают разные...

И он остался во тьме один, голый и безоружный, пока бывший слесарь осторожно шел вперед.

Дядя Витя двигался медленно, производя минимум шума. Фигуру его окружало смутное марево, исходящее от телефона, и со стороны выглядело, как будто он плыл в световом шаре по океану темноты. Когда он спустился по ступенькам к каморке консьержа, света стало совсем мало, и Костя, не выдержав, сделал несколько робких шагов вслед за соседом. Подоспел как раз, чтобы увидеть, как дядя Витя нащупывает во мгле ручку двери от комнаты дежурного, поворачивает и открывает.

– Эй, курва старая. Конец света проспала, – хриплым шепотом позвал дядя Витя и снова поднял телефон. Свет упал на диван и фигуру, укрытую с головой черным шерстяным одеялом.

Вернее, Косте показалось, что это было одеяло.

Скырскырыскскырыскскырыскскырыскскырыск – зашипела Азатгуль, поднимаясь. Покрывало схлынуло к ее ногам, оказавшись сотканым не из шерсти, а из тысяч тараканов. Словно сама тьма ожила и обрушилась лавиной на пол каморки, а оттуда – прямо к дяде Вите. Слесарь, шатаясь, попятился, не отрывая глаз от внезапно вознесшейся перед ним в полный рост старухи. Азатгуль стояла на диване, а у дяди Вити ноги подогнулись в коленях, сам он начал невольно опрокидываться назад, от чего рука с телефоном задралась еще выше. В призрачном, отдающем синевой свете Костя, как и сосед, увидел лицо старой казашки, на котором не осталось живого места, где совсем не было кожи и которое при этом *жило*, потому что в мясе щек и в пустых глазницах копошились тараканы и личинки.

– Царица Мать Небесная... – отвисла челюсть у дяди Вити.

В кровавом месиве, когда-то бывшем толстыми губами, тоже раскрылась дыра. Азатгуль тяжело подняла руку, сплошь покрытую насекомыми, и, указав на бывшего следсая, произнесла (никогда еще ее русский не звучал *так* странно):

– ЖРИТЕ.

Дядя Витя заорал, поскользнулся в своих шлепанцах, упал, но тут же вскочил снова, швырнул в Азатгуль пакет с мелками и, продолжая вопить, побежал назад, к Косте.

– Не туда... – пискнул Костя, но было уже поздно.

Скырскыркскрыскскырскскырскскырскскырскскырскскырск – за спиной дяди Вити черная река выплеснулась в подъезд и в один момент достигла противоположной стены, отделив Костю и его напарника от двери на улицу.

– Назад!!! – Дядя Витя споткнулся и едва снова не рухнул, но устоял на ногах, хоть и потерял на ступеньках второй шлепанец. Отбросил ошоломленного от ужаса Костю с дороги и пинком распахнул дверь на лестницу.

СКЫРСКЫРСКЫРСКЫРСКЫРСКЫРСКЫРСКЫРСКЫРСКЫРСК

Проход был забит тараканами. Они сбегали по стенам, текли ручьями по ступеням, покрывали перила – и вся эта масса двигалась вниз и вперед. Самые быстрые уже достигли лестничной площадки и перебегали через порог, минуя сослепу ноги дяди Вити либо с ходу впиваясь в босые ступни.

Костя, медленно сползая по стене, видел всю картину. Он услышал глухие детские рыдания и подумал: «Это я. Это мой собственный плач». Мысль несколько его не испугала. Он уже не испытывал страха, не чувствовал боли и отчаяния. В нарастающем, сливающимся в монотонный гул звуке сотен тысяч тараканьих ножек ему слышался знакомый мотив. Костя никак не мог вспомнить, где слышал эту песню без слов, но, превращаясь в нее, безостановочное скрыскскырскскырскскырск уже не было так страшно, даже напротив: обещало ласку, тепло и покой. Возможно, дядя Витя тоже уловил нечто подобное, потому что замер на месте и опустил руки.

Створки лифта в полутора метрах от Кости разъехались в стороны. За ними в водопаде мутно-желтого света стоял кукольный светловолосый ангел в белом платице и ревел навзрыд.

– Лифт! – закричал Костя еще до того, как успел понять, что это плач девочки слышал минуту назад, а не собственные рыдания.

Тараканы уже добрались до его многострадальных пяток, но он не обратил на укусы внимания и даже не заметил, как, снова вставая на ноги, расплющил несколько тварей. Дядя Витя также пришел в себя. Одновременно они ломанулись в кабину, едва не расшибив друг другу лбы в проеме. Более массивный, тяжелый слесарь выиграл короткую схватку и проскочил первым. Бесцеремонно отпихнув девочку-ангела к дальней стенке, сам прижался к боковой, изо всех сил колошматя смартфоном по кнопкам этажей. Костя едва успел нырнуть следом, как двери закрылись и лифт начал подниматься.

9

Несколько секунд все трое молча вжимались в стенки кабины, каждый в свою. Дядя Витя тяжело и часто дышал, просунув ладонь под майку с левой стороны, где у него обнаружилась расплывшаяся по дряблой бледной коже синяя татуировка в виде большого, обвитого цепью якоря. Костя изучал эту находку, пытаясь вспомнить, были ли какие-нибудь тату на груди у его покойного отца. У Вики была – маленький паучок в области поясницы. Эх, он бы все отдал за то, чтобы остаться вчера у нее на ночь... Сейчас Косте казалось, что он парит в невесомости. Даже девчонка прекратила плакать и, широко распахнув огромные голубые глазщищи, поочередно смотрела то на одного взрослого, то на другого.

Потом дядя Витя отлип от стены и надавил большим пальцем кнопку в нижней части лифтовой панели. Ощущение невесомости исчезло – кабина прекратила движение.

– Черта с два я отсюда куда выйду.

– Виктор Палыч, телефон проверьте, – сказал Костя. – Может, теперь все-таки *есть* смысл позвонить в полицию?

– Умный больно, да? – сказал дядя Витя. – Не фурычит. Связи нет, видишь?

Костя кивнул, забирая бесполезный теперь мобильник. В этом здании столько бетона, а его сотовый оператор никогда не отличался надежностью. К тому же смартфон пострадал: пластмассовый корпус в нескольких местах треснул, спасибо дяде Вите. Впрочем, с его-то везением разве могло быть иначе?

Не гневи Бога, сына, деву тебе сам Господь послал.

«И то правда, батя. Но что дальше?»

Покойник замолчал, но, в общем, мертвым и не свойственна особая разговорчивость.

– Что это было там, внизу? Ты *видел*? – Дядя Витя продолжал растирать себе грудь, лицо у него стало еще блее и уже не только из-за мелового грима. – Эта сука, Азатгуль, она показала на меня! А ты, – дядя Витя наконец обратил внимание на спасшего их ребенка, – чьих будешь? Как звать?

– Я девочка Маша Петрова, у меня болит вот здесь, – она потрогала пальчиком висок, задев при этом завитой нежно-золотистый локон.

Костя только сейчас заметил на голове у девчонки ободок с пушистыми розовыми заячьими ушками. Наверное, родители любили называть ее «зайчиком». Ушко осталось одно, второе куда-то исчезло. Большое горе для малышки ее лет – может, потому и плакала?.. Как бы там ни было, Костя сейчас даже собственные грязные трусы не рискнул бы поставить на то, что девочка Маша когда-нибудь вырастет в длинноногую грудастую «зайку Плейбоя».

– Мама, папа твои где? – продолжал допрос дядя Витя.

– Не знаю, – пожала плечами Маша. – Где-то... там.

Потом заплаканное личико вдруг просияло неподдельной радостью, и она, вытянув перед собой обе руки, сообщила:

– Мне шесть лет. Нет, уже семь! – оттопырила еще один пальчик. – У меня день рождения!

– Господи. Что бы ты ни заказывала на днюху, надеюсь, папаша подарил тебе не тараканью ферму.

– Виктор Палыч, – отвлек его Костя, – инструмент верните.

– Что? А, черт, забирай, – дядя Витя выудил молоток и невесело улыбнулся: – Веришь, нет... забыл внизу про него совсем, когда началось. С другой стороны, ты вспомни ту тварюгу! Какой от него прок против всей этой хрени, а?

– Без вариантов, – согласился Костя, сжимая деревянную рукоятку.

Сунуть молоток было некуда – не в трусы же пихать. Слесарь говорил верно, против *таких* тараканов бесполезно любое оружие, кроме, разве что, огнеметов. Но, по странному стечению обстоятельств, никто из присутствующих пиротехники на это маленькое собрание жильцов не захватил.

– Там игрушки есть? – Маша смотрела на его телефон.

– Посмотри сама, я не знаю, – Костя протянул ей мобильник. – Считай это, ну, типа подарком на день рождения.

– Спасибо.

– Виктор Палыч... Надо выбираться отсюда, Виктор Палыч.

– Ты глухой?.. Или тупой? *Черта с два* я отсюда выйду!

– Кабина не герметична. Шахта лифта тоже. Рано или поздно они до нас доберутся.

– Кто-то придет на помощь.

– Кто? Мы никого не встретили, кроме девчонки. Тараканы сожрали ее родителей, сожрали Азатгуль... Во всем здании в живых остались только мы трое. И у нас нет связи с внешним миром. Делайте что угодно, выстукивайте SOS азбукой Морзе по стенкам – никто нас не спасет! – Костя прервался и услышал в паузе шорох. В углу кабины в семечковой кожуре копошился таракан. – Смотрите! Они уже *здесь*.

– Ну и что? Их здесь мало. А по одному, – слесарь сделал шаг и превратил семечки в труху вместе с тараканом, – по одному мы как-нибудь с ними справимся.

– Это пока они не проели дыру побольше, – сказал Костя. – Или несколько дыр. Они это могут. Я видел, как они проедают дерево. И потом, Виктор Палыч, сколько мы здесь высиживать сможем – день, два?.. Что будем пить? Есть что будем? Тараканов? Мы же сами тут, как жуки в коробке...

– Ничего, продержимся!

– Сколько *ты* продержишься без лекарств, дядя Витя? У тебя ж с сердцем плохо, да?

– Это моя забота, сучонок. Сперва ссать в унитаз научись, прежде чем диагнозы ставить.

– Ой, тут птички есть! – воскликнула Маша: девочка нашла в телефоне Angry Birds.

Костя снова взглянул на дядю Витю:

– Виктор Палыч, вы же говорили что-то про лучшую защиту от тараканов...

– Намастрячился сикать H_3BO_3 , гений?

– Нет, – терпеливо сказал Костя. – Я про другую защиту. Про ту, которую нам дала природа. Вы же говорили о птицах, верно? Птицы клюют тараканов.

– Какая разница, о чем я говорил? Если ты гадишь, как голубь, это не значит...

– Да ЗАТКНИСЬ ты хоть на минуту! Просто послушай, – на плечо упал таракан, и Костя, не отвлекаясь, раздавил его в ладони. – Мы могли бы подняться в лифте на верхний этаж. А оттуда выйти на крышу. Крыша – это не дерево и пластмасса, дядя Витя. Это бетон. Туда *им* пробраться будет сложнее. Там мы сможем звонить куда угодно, кричать сверху, звать на помощь. И главное. Там будут *птицы*. Много птиц.

– Птички нам помогут! – Девочка все это время слушала Костю с открытым ртом.

– *Природа* нам поможет, Виктор Палыч!

Старик задумался. Сейчас он выглядел действительно как глубокий старик, а не молодой, прежде служивший на флоте слесарь, недавно вышедший на пенсию. На глубоких залысинах проступили бисеринки пота, щеки посерели и будто втянулись в череп. Костя вдруг понял, что щетина на подбородке дяди Вити не окрашена мелом – она была белая, потому что была седая. И серые зрачки его не серебрились, как казалось прежде, а помутнели от возрастной катаракты.

– Все это имеет смысл, только если ход на крышу открыт, – наконец выдавил он из себя.

– Даже если там заперто, – Костя поднял молоток, – у нас есть чем сбить запоры.

Вместо ответа дядя Витя молча повернулся к панели и до упора утопил внутрь кнопку с числом «22». Кабина едва ощутимо вздрогнула и снова начала подниматься. Сквозь стены был слышен шорох тросов... и, возможно, чего-то еще.

– Как будем действовать, дядя Витя? – спросил Костя, когда на панели мигнула кнопка «12». По телу пробежала дрожь, но рукоятка молотка горячила ладонь. Адреналин наполнял жилы расплавленным свинцом.

– Быстро, четко, слаженно, – старый моряк воспрял духом, словно приняв колыхание спертого воздуха в кабине за бриз. На панели зажглось и потухло число «14». – Выходим и сразу к люку на крышу, он должен быть рядом. Первый идешь ты, как молодой и здоровый. Плюс у тебя молоток, а он может понадобиться, когда дело дойдет до замков.

– А я иду?..

– Ты, девочка Маша, идешь сразу за Константином. Не идешь, а бежишь со всех ног, чтоб только пятки сверкали, без вариантов. Я – прикрою вас сзади.

«16».

– Годный план, Виктор Палыч.

«17».

– Будешь драпать на крышу – не обоссись ненароком, скалолаз. Не горю желанием принимать душ из твоей мочи.

«19».

На числе «20» лифт вновь тряхнуло, уже серьезней. Подъем прекратился. Костя и дядя Витя уставились один на другого.

– Какого черта? – спросил Костя.

– Откуда мне знать? Я не лифтер, я слесарь! – крикнул Виктор Палыч, давя на все кнопки подряд.

– Не ругайтесь, – сказала Маша. – Ругаться плохо.

– *Скырскскырскскырскскырск*, – сказал потолок.

10

Свет в кабине моргнул. Все трое задрали головы и увидели тени под колпаком светильника. Много теней, и у каждой – по шесть маленьких ножек. Косте вдруг стало трудно дышать, словно в горле застрял замороженный чизбургер из гипермаркета. Целиком застрял, здоровый такой чизбургер, размером с кулак Николая Валуева. «Господи, да мы сами тут как бургер для тараканов», – подумал он, ощущая панику, растущую по мере того, как света в кабине становилось все меньше, а теней под полупрозрачным пластиком лампы (*скырск-скырск-скырск*) все больше. Ожили голоса в его голове:

Ну вот, лимита, аккурат перед смертью ты узнал, что страдаешь клаустрофобией. Она, знаешь ли, быстро развивается у всякого провинциального говна вроде тебя, особенно если застрять в окружении тараканов-людоедов.

– Они лезут сюда, – сказал дядя Витя.

И теперь весь ваш блистательный план спасения будет сожран вместе с вами.

– Что делать будем?

– Можно вызвать лифтера, – криво усмехнулся дядя Витя. – Но что-то мне подсказывает, что толку от это будет ноль целых, хрен десятых.

– Дай-ка сюда, – Костя забрал у Маши телефон, потряс им в воздухе, проверил число делений. Потом попробовал набрать номер службы спасения, но, услышав начало фразы «абонент временно недоступен», вернул мобильник девочке. – Связи все еще нет.

Под ногами раздался тихий шлепок. На потолке в углу появилось небольшое отверстие, куда один за другим начали проползать тараканы. Дыра расширялась прямо на глазах, и через секунду в нее пролезало уже по два, по три насекомых одновременно.

– Надо валить, – губы у дяди Вити стали того же серого цвета, что и грязная майка. – Слышь, Костя, надо сваливать отсюда.

– Мы не доехали до конца.

– Мы на двадцатом! Два гребаных перехода на два гребаных этажа – и будем на месте!

– Если там, – кивнул Костя на двери, – нас не ждет толпа гребаных тараканов.

– Там неизвестно, а здесь их скоро будет полная коробочка!

Что-то цапнуло по бедру с левой стороны, и Костя едва не ударил молотком, не глядя, но в последний момент понял, что это Маша коснулась его рукой.

– Дядечки, не ругайтесь, – в глазах у Маши стояли слезы. – Давайте лучше уйдем отсюда, давайте убежим от *таракашек*.

По нижнему краю белого платица карабкалось насекомое. Дядя Витя нагнулся, раздавил таракана меж пальцев, сунул обе руки под мышки девочке и, крикнув от натуги, поднял ее.

– Давай, Константин, – сказал он хрипло. – Открой нам. Мы, пожалуй, тут выйдем.

– Ладно. – Костя повернулся к дверям и, уцепившись ногтями за край, попробовал отодвинуть створку. Та отъехала на пару миллиметров, затем пальцы соскользнули, Костя чуть не упал, а двери вновь сомкнулись.

– Твою мать! – взвизгнул он. – Не получается!

– Молоток, – подсказал дядя Витя.

Свет погас. В кабине стало совсем темно. Костя слышал беспрестанное *скырск-скырск-скырск* и шлепки – звук, с которым насекомые падали, одно за другим, на пол. Кожу на левой щиколотке обожгло укусом. Костя лег спиной на одну стену лифта, уперся ногой в противоположную и, как можно дальше просунув узкий конец молотка в разъем между створок, изо всех сил потянул на себя. Он весь взмок от усилий, но сумел проделать щель шириной с ладонь, куда попало немного света снаружи, а дядя Витя тут же сунул в отверстие ногу.

– Давай, Костя, тяни! Молодой еще, спра вишься!

Костя сменил позицию, пропихнул в зазор плечо и начал давить, раздвигая створки еще сильнее. Тараканы уже ползали у него в волосах, кусали шею.

скырскыркскрыскыркскыркскыркскыркскыркскыркскыркск

– Давай, Костя! – плакал белокурый ангел, прячась на руках у дяди Вити.

– Давай, ты сможешь, – подбадривал бывший слесарь. – Я тебя в ученики возьму, если сможешь. Бросишь свои интернеты, станешь мастер – золотые руки!

Что-то в дверях громко лязгнуло, и они вдруг открылись полностью. Костя ударился поясницей о створку и чуть не свалился на пол. Путь был свободен.

– Понятия не имел, что вы знаете, где я работаю, – слабо улыбнулся Костя, потирая спину.

– Да я и не знал, – пожал плечами дядя Витя. – Так, ляпнул, что в голову первое пришло. Вперед!

На площадке двадцатого этажа – лифт застрял почти вровень с полом – моргала лампа, но света было достаточно, чтобы увидеть облепивших пол, стены и потолок насекомых: они чернели, будто следы от пуль, и выглядело это как в каком-нибудь дурацком кино про гангстеров, точно все вокруг изрешетили автоматным огнем. Отчетливо воняло помойкой. Когда люди выбрались из кабины, «пулевые отверстия» ожили и начали перемещаться по стенам вокруг них, издавая все тот же омерзительный скребущийся звук. Осторожничать, как на первом этаже, некогда, сообразил Костя. И побежал, отмахиваясь молотком от падающих сверху тараканов, напрямик к двери на лестницу.

– С ноги ее! – крикнул, с трудом поспевая за ним, дядя Витя.

Костя пнул дверь, та с грохотом ударилась о стену. Но даже звон бьющегося стекла не смог заглушить многоголосый шорох преследующих их тварей.

Костя побежал прямо по хитиновым тельцам, усеивающим лестницу, перескакивая через две-три ступени за раз, слыша хруст лопающихся под ногами панцирей и чувствуя укусы, десятки укусов – тараканы атаковали со всех сторон. Позади шумно дышал дядя Витя и что-то пищала Маша, он слышал их у себя за спиной, но не мог оглянуться, чтобы проверить, боясь, что впопыхах цепанет ногой очередную ступеньку или поскользнется в жиже из раздавленных насекомых. Встать снова он бы уже не успел.

С К Ы Р С К С К Ы Р С К С К Ы Р С К С К Ы Р С К С К Ы Р С К С К Ы Р С К

На двадцать первом этаже Костя, поворачивая на следующий, последний лестничный пролет, не прерывая движения, бросил беглый взгляд в узкий проем между стоек перил.

С нижних этажей поднималась, стремительно нагоняя беглецов, сама тьма. Черный поток рвался вверх с мощью и скоростью нефтяного фонтана, бьющего из свежей скважины.

– *Поспешай, сынка, поспешай*, – прохрипел Виктор Палыч голосом его мертвого отца.

Костик обернулся и увидел, что дядя Витя и сам уже почти мертв – лицо старика стало синего цвета, жилы на висках и шее вздулись, потемнели. Но он все еще шел, из последних сил передвигая ноги и удерживая на руках ребенка.

– Дай ее мне, – Костя перехватил у него Машу свободной рукой и побежал дальше.

До последней лестничной площадки оставалось шагов двадцать, когда позади раздался, перекрывая оглушительное шебуршание, тяжелый глухой стон.

– Дядя! – закричала Маша, до боли вжав пальчики ему в плечи.

Костя повернул корпус, стараясь продолжать движение по лестнице и одновременно сделать так, чтобы девочка не видела происходящее у него за спиной. И увидел сам.

Дядя Витя упал на колени, широко раскрыв рот в немом, полном муки и отчаяния крике. В серебристо-серых глазах старика плескались океаны боли. Скрюченными пальцами он разорвал у себя на груди майку. Татуировок на теле дяди Вити стало больше, гораздо больше, чем прежде. Только они были не синие, они были черные и шевелились. Из-под них ручьями бежала кровь. Волна – высотой по меньшей мере в метр – тараканов нахлынула сзади, на мгновение приподняв бывшего слесаря на самый гребень, а через миг поднялась сама и рухнула на него сверху, накрыв немного удивленное, как показалось Косте, в этот последний момент лицо дяди Вити дрожащей от голода массой.

Это задержит *их*, сообразил Костя.

Спасайся, зассанец! – прокричал у него в голове то ли отец, то ли дядя Витя, он уже не мог разобрать.

Но двигаться Костя все еще был способен. Хотя по ляжкам ползли, вгрызаясь под кожу, пытаясь задержать, остановить, десятки насекомых, и мышцы ныли сильнее, чем обжигали укусы чертовых тварей, он пробежал несколько оставшихся метров подъема с Машей на руках – и очутился на площадке перед простой вертикальной лестницей из двух плоских металлических стоек с перекладинами из арматуры. Меж перекладин болтались нитки паутины – на крышу через этот ход никто не проникал годами. Верхний конец лесенки упирался в квадратный люк.

Тот был небрежно покрашен дешевой зеленой краской и смотрелся на фоне выцветшей штукатурки довольно нелепо. С дальнего края свисала плоская, слегка погнутая скоба, через которую, соединяя ее с такой же скобой, торчащей из потолка, была продета дужка навесного замка. Замок, как и сам люк, выглядел солидным и старым.

– Слезай, – Костя не без труда оторвал от себя руки девочки и спихнул ее на пол. Маша редела навзрыд, но ее плач практически заглушал шелестящий рокот приближающейся снизу волны насекомых. Дядя Витя своей смертью задержал орду на некоторое время, но не надолго – *их*, прожорливых тварей, было слишком много, чтобы одного трупа хватило на всех.

Он поднял молоток. Теперь старый добрый молот тараканьих ведьм уже не казался таким уж надежным орудием. Деревянная рукоятка треснула поверху – видимо, когда он давил, пытаясь открыть двери лифта. Тяжелая ударная головка сидела неплотно. Кто из ветеранов выйдет победителем в финальной битве – старый молоток или не менее старый замок?

И хватит ли у меня времени, чтобы узнать?..

Костя посмотрел через перила на лестницу – поток тараканов уже захлестнул предпоследний пролет, пока еще жиденькими ручейками, но вслед угрожающе поднималось то самое цунами, что полминуты назад погребло под собой дядю Витю.

– Дядечка, Костик, ну!

Костя поправил боек, покрепче насаживая головку молотка на рукоять. Бросил взгляд на висячий замок, прикидывая, насколько сильно могло подгнуть гнущее колечко металлического крепления. Затем коротко размахнулся и ударил молотком Машу в висок.

Скушай Машеньку, – голос дяди Вити у него в голове. Внутренние тараканы вернулись. – *Скушай Машеньку, ха-ха-ха*.

Отчетливо хрустнуло. Голова девчонки от удара мотнулась вбок, и дужка с розовым заячьим ушком отлетела в сторону. Длинные светлые ресницы пару раз изумленно хлопнули, голубые глаза закатились, выставив напоказ блестящие белки.

«Все равно ей не светило стать звездой „Плейбоя“, – подумал Костя. И, подхватив обмякшее тело на руки, скинул его на ступени вниз. В ладони Маша все еще сжимала телефон, его подарок.

Это их задержит.

По щекам обильно лилась соленая вода, но он уже ни о чем, кроме люка на крышу, не думал. Взобрался по короткой лесенке к замку, повис там, уцепившись согнутой в локте левой рукой за верхнюю перекладину, и ударил. С первого раза промахнулся мимо скобы, скользя от крови головка молотка лишь зацепила замок. Дужка была слишком толстая, чтобы сломать ее с одного удара.

СКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК

Они наступали. Костя не мог смотреть вниз, себе под ноги. Он сосредоточился на замке и удерживающей его скобе. Прицелился. Ударил. Слишком слабо – скоба только еще больше погнулась, но – он увидел, что с одного края она словно надорвалась, самую малость, на миллиметр отстав от крышки люка. Первые тараканы уже бежали по металлическим полостям лесенки.

СКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК

Они поднимались по стенам и лезли на потолок, Костя видел их краем глаза, когда размахивался, чтобы нанести еще один удар. Он спешил и на этот раз вообще махнул мимо, едва не выронив молоток из мокрой от крови и пота руки. Укусы тварей отвлекали, заставляли думать о боли в ногах, в паху, на животе. Пот и слезы застилали глаза.

СКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК

Он заставил себя успокоиться, отрезавшись от боли и всех иных чувств. Чуть подпрыгнул, увереннее опираясь на арматуру и крепче цепляя свободной рукой перекладину. Провел по лицу рукой с молотком, вытирая влагу.

СКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК

СКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК

СКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК

Примерился как следует, зная, что это последний шанс, и ударил – сильно и точно. Головка молотка от удара соскочила с рукоятки. Замок не слетел, но повис на почти целиком оторвавшейся от люка скобе. Костя толкнул молотком сам люк – и скоба вместе с навесным замком, звякнув напоследок, упала вниз, в ковер из насекомых, заполонивших площадку. Костя нащупал ногой следующую перекладину и поднялся выше, изо всех сил надавив головой и плечом на крышку люка. Та поддавалась с трудом, нехотя, шелуха старой зеленой краски, осыпаясь, попадала в глаза, липла к коже. Костя взвыл, напрягая мышцы.

СКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК

СКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК

СКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСКСКИРСК

Крышка поднялась, вытолкнутая его усилиями наверх. Костя, бросив бесполезную деревяшку, подпрыгнул и, зацепившись локтями за край проема, обдирая кожу до кровавых ссадин, продрался через приоткрывшуюся щель в запыленное помещение с низким потол-

ком. Крышка люка под ним грохнула, вставая на прежнее место. Снизу все еще доносился шорох.

11

Через узкий пыльный проход он выполз на холодный, остывший за ночь гудрон, покрывавший крышу. С трудом поднялся на ноги и, шатаясь, сделал несколько шагов мимо скелетов старых, забытых телевизионных антенн. Костя ступал босыми ногами прямо по засохшим кляксам птичьего помета, но ни одного голубя вокруг не видел. Где же они? Где эти чертовы птахи, где, мать ее, Природа?!

Когда он подошел к краю крыши и взглянул оттуда на город, ему все стало понятно.

Соседняя многоэтажка дымилась. Клубы черного дыма валили с верхних этажей, в дырах на месте разбитых окон метались языки огня. Были слышны отдаленные крики и звуки сирен. Следующее по улице здание тоже окутывал дым, столбы его поднимались вверх, языческими кострищами наполняя светлеющее перед рассветом в Митино июньское небо.

Тараканы ползли по стенам спального района, и все птицы летали там, ниже крыш, либо высоко-высоко, напуганные пожарами.

Костя скорее почувствовал, чем услышал лязг люка позади себя. Твари рвались наружу. Возможно, там, под землей, откуда они явились, эти странные тараканы тысячелетиями мечтали выбраться на поверхность. Как, быть может, уже однажды выбирались, когда исчезли динозавры. А после, с наступлением холодов, надолго ушли обратно, чтобы вернуться сегодня, сейчас, в эту ночь, и окончательно утвердить свое законное владычество. Построить на планете новую мировую империю, шелестящее государство *скырск-скырск*. Страну Тараканов.

Утренний воздух пах дымом, но оставался свеж, как в его далеком забытом детстве. Где-то за огненным заревом и чадом в своей высотке прямо сейчас погибала Вика, как погибали миллионы по всей столице. Старое поколение москвичей и приезжих пожирали новые жители, старый мир со всеми его мелкими недостатками и мелочными проблемами уступал новому, совершенному и по-своему прекрасному порядку. Чертовски замечательному порядку.

– Что ж ты молчишь? – спросил Костя внутренний голос. – Почему не смеешься над глупой провинцией? Давай расскажи мне про деревенское дерьмо, бултыхающееся по московским сортирам.

Но голос молчал. Все его голоса молчали – и мамин, и папин, и дяди Вити, и девочки Маши, и казашки Азатгуль, и отчима, которого он почти не знал, и всех остальных, с кем Костя когда-либо был знаком по работе, с кем водил дружбу, кого любил.

Теперь он слышал только *их*. И потому, как шорох медленно заполнял все вокруг, он догадывался, что тараканы уже здесь, на крыше. Костя мог позволить себе сейчас лишь одну роскошь: не оглядываться. Взобрался на бетонный бордюр, встал на край и посмотрел вниз. Детская площадка перед домом пустовала, качели и песочница казались крохотными, будто собранными из деталек конструктора.

скырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырскскырск

Все еще не оглядываясь назад, он прыгнул.

12

Падение было непродолжительным, предшествовавший ему подъем с первого этажа наверх занял гораздо больше времени. Но в конце Пургину немного не повезло: внизу росли

березы, и он задел одну из них, сломав дереву ветку и себе руку. Это его немного притормозило, и, хотя от удара о землю остальные кости его тела превратились в желе, позвоночник раскрылся, ребра проткнули в нескольких местах легкие, пузырь желудка лопнул, а череп треснул у основания, Костя, уже приземлившись, еще несколько мучительных минут оставался в живых.

Этого времени ему хватило, чтобы увидеть, как медленной, неровной походкой приближаются со стороны подъезда они: дядя Витя, Азатгуль и другие. С объединенными лицами, с тараканами, снующими в дырах глазниц. Глаза Кости заливала кровь и еще что-то серое, возможно его собственные мозги, но он смог различить, как шевелится, словно живая, кожа на руках и ногах его бывших соседей.

Таракандары любят влагу и боятся света, вспомнил он.

Что ж, значит, теперь тысячи их обрели новые, уютные, полные вкусной влаги, защищенные от солнца оболочки. И вышли встретить рассвет.

Среди бывших жильцов к нему брела Маша. Из проломленного виска выползали и тут же заползали обратно тараканы. В руке она сжимала телефон. И телефон звонил. Может быть, Вика? Может, она каким-то чудом все же спаслась?..

никогда не поменяю зеленый цвет...

– Мамачха, мама, как же я тебя люблю, – выкашлял Костя с кровью.

Внутри мертвой Маши скреблись тараканы. В каждом из них шебуршали, заставляя двигаться. Теперь Костя узнал этот звук – ровный, монотонный, дарующий покой. Песня без слов, знакомая с детства песня... колыбельная.

Прежние соседи окружили переломанное тело Кости Пургина. Вперед выступила Маша. Подняла руку и указала на труп:

– *ЖРИТЕ.*

Из ее рта хлынули насекомые.

Мост

Старый мост по-прежнему висел над пересохшим руслом реки. Ржавые балки угрюмо выглядывали из-за чахлой растительности на берегах, и слабый солнечный свет безнадежно тонул в глубоких тенях между ними. Перекрестия стальных ферм напоминали глазки мертвецов из детского комикса. У моста было много таких глаз.

– Чертов старик, – пробормотал Савельев. – Тебя уже давно пора разобрать и захоронить по кускам на свалках.

«Я еще всех вас переживу», – отвечал мост безмолвно.

Несколько жирных черных ворон одна за другой сорвались с насиженных мест и начали рисовать уродливые кружева в вечернем небе. Словно кто-то, укрывшись в железобетонных сочленениях, подал сигнал, громко хлопнув в ладоши.

«С возвращением», – прокаркал мост голосами воронья.

– И тебе привет, дохлая развалина, – усмехнулся Савельев и стал подниматься по насыпи. В голове, как вороны над мостом, кружились обрывки воспоминаний.

Ее так и не нашли, ни тогда, ни после. Вот странно. Бывший сосед, с которым он, прогуливаясь возле старого дома, случайно встретился пару дней назад, рассказал Савельеву, что ее тело так и не нашли. Волосы у дяди Коли поредели и стали белыми, но в остальном он ничуть не изменился. Ничего здесь не менялось. Время в этих краях застыло, не иначе: двадцать лет прошло, а проклятый мост все так же скалит железные зубы всем, кому только попадается на глаза... и труп до сих пор не нашли.

Он взобрался по осыпающемуся щебню наверх и встал на разбитых шпалах, чтобы отряхнуть брюки. Увидел носки своих черных туфель, которые пыль окрасила в цвет пле-

шивой шевелюры постаревшего дяди Коли. Потянулся было в задний карман за платком, но махнул рукой: бесполезно. Шпалы, рельсы, камни и сорняк меж ними – заброшенная железнодорожная ветка вся была серая и тусклая. От земли поднимался запах древности, пыль залетала в нос и глаза. Савельев поднял взгляд.

Мост теперь был прямо перед ним, в паре сотен шагов по шпалам. Покатые полосы боковых перекрытий уходили с двух сторон в небо, где их соединяла толстая стальная перекладина. В образуемую арку тянулась железная дорога, дальний конец тоннеля тонул в сизом тумане. По правую руку от арки из насыпи торчал почерневший остов сторожевой будки.

Родители запрещали детям гулять в этих местах. В те времена, раз в неделю или раз в месяц, дорога еще оживала, и по ней мог днем или ночью пройти, гремя колесами и вагонами, грузовой состав. Савельев помнил рассказы матери, которыми та пыталась удержать их с сестрой подальше от железной дороги и моста.

Один мальчик не слушался родителей и полез на мост, там он случайно коснулся электрического кабеля, и его убило. Одна девочка скакала по шпалам и слишком поздно заметила, когда рядом оказался поезд; девочка испугалась, споткнулась, и ее разрезало на две части. Ирка слушала эти страшилки, раскрыв рот, с широко распахнутыми глазами. А Паша Савельев к тому времени уже был большой, и подобные истории уже не производили на него впечатления. Даже если – он допускал – в них и была доля правды. Подумаешь, какой-то дурак хватанул десять тыщ вольт. Надо ж думать, куда руки суешь.

Мальчишки много раз бывали и на самом мосту, и рядом, курили папиросы, разводили по вечерам костры в сторожке, малевали сажей на стенах пошлые слова и картинки. И в итоге сожгли будку.

Щебень хрустел, плевал мелкой крошкой из-под ног, пока Савельев неторопливо приближался к арке и закопченному скелету справа от нее. В груди зацвела теплая сладость – тень детского восторга при виде высоких языков пламени на фоне черного неба и тающих среди звезд оранжевых искр. Господи, он и забыл, как ему нравилось смотреть на огонь!..

Арка моста становилась все ближе, конструкции ее росли на глазах. Уже можно различить полустертые трафаретные надписи «Опасно» и «Вход запрещен». Даже пацаном Савельев этих, тогда еще оранжевых, а теперь уже выцветших бледно-желтых букв не боялся. Другое дело Ирка. Когда Паша первый раз ее сюда завел, она прочитала каждое слово вслух, по слогам, и, нахмурившись, сказала брату: «Сюда низя! Низя же!»

«Можно, ведь ты со мной».

Савельев невольно глянул вниз, на правую руку. Воспоминание было таким ярким, что он на мгновение ощутил в ладони тепло ее потных от страха пальчиков.

В тот, первый, раз Ирка боялась нарушить запрет матери. Предупреждающие надписи нагоняли на нее ужас, она трепетала перед большим старым железнодорожным мостом и стискивала руку старшего брата изо всех своих детских силенок.

«Ничего не бойся, глупая. Там интересно. Там живет тролль», – сказал он тогда. Ирка поверила и заулыбалась.

На миг он увидел фигурку в коротком белом платьице с цветочками, облако светлых кудряшек... В глазах защипало.

Торчащий из насыпи черный зуб спальной сторожки медленно, как во сне, проплыл мимо. На его округлой верхушке дремала, спрятав голову под крыло, крупная ворона. Туман клубился посреди распахнувшегося впереди коридора. Савельев шагнул внутрь, и ржавая металлическая сетка, прибитая поверх шпал, скрипнула, упруго прогибаясь под тяжестью его тела.

«Добро пожаловать домой», – прошелестел мост. В шепоте ветра улавливалась угроза. И холодная насмешка.

Ирку так и не нашли. За двадцать лет – как такое возможно? Маленькая девочка в белом платьице до сих пор прячется где-то тут вместе с громадным старым троллем, сказка про которого ей так нравилась.

Паша больше верил в запах гари и языки алого пламени, пожирающие дерево в ночи, чем в истории про рыцарей и принцесс. А вот сестренка любила слушать рассказы о драконах, царевичах и умных животных, разговаривающих как люди. Про косматого тролля, обитающего под мостом, Паша сочинил, чтобы порадовать ее. Вернее, не сочинил, а вспомнил историю из книги про викингов, которую брал в школьной библиотеке. «Переложил на новый лад», как сказали бы коллеги Савельева. Впрочем, что эти люди, жители большого города, могли знать о сказках его родного захолустья? Ровным счетом ничего. Пропавшей два десятилетия тому назад девочке определенно было известно о троллях куда больше, чем профессорам с кафедры.

Тролля звали... Какое-то имя они для него придумали, точнее Ирка придумала, но сейчас Савельев уже не мог вспомнить.

В свое время Пашу изрядно повеселила та твердая убежденность, с какой сестрица заявила, что у чудища обязательно должно быть имя. Ему тогда казалось, что выдуманные существа – все эти болтливые волки, крылатые эльфы, скатерти-самобранки и живые избушки на курьих ножках – вполне могут обойтись и без кличек. Фантазии они и есть фантазии, пустое место. Глупо обращаться к воздуху по имени-отчеству. Но сестренка смотрела на мир иначе. У каждой куклы в доме было свое имя – Маша-Глаша-потеряша... Дворовым псам и кошкам Ирка тоже давала клички, каждому свою, а однажды Паша услышал, как сестренка обращается к росшей возле дома березе, о чем-то спрашивает дерево и гладит пятнистую кору ласково, как плечо человека. Маленькая глупышка. Возможно – Паша не хотел уточнять, – она спрашивала у березки, где их папа, когда он вернется домой.

Белесый туман обволок Савельева, лизнул влажным языком лицо. Кожа на шее покрылась мурашками.

«Странно, – подумал он, нащупывая взглядом конец уходящей вперед дороги. – В детстве мост казался меньше и короче, а сейчас стал большим и длинным. Разве не должно быть наоборот?...»

Как Алиса, напившаяся из волшебного пузырька, он будто бы рос обратно, вниз, становясь меньше с каждым шагом. Нет, конечно, на самом деле ничего не менялось ни в нем самом, ни вокруг. Просто косые стальные колонны обступали уже и спереди и сзади, толстые железные трубы чертили воздух сверху и по сторонам, от чего Савельев начинал чувствовать себя зверьком, попавшим в клетку.

Громко хлопая черными крыльями в нескольких метрах впереди, расчертила стильную мглу ворона. Хриплое злое карканье разорвало тишину, и он вспомнил, как сестра называла придуманного им для нее тролля.

Хрясь. «Хияс-сь» – так она произносила это, смешно пришепечывая, потому что всегда плохо выговаривала букву «р», а еще потому, что у нее выпадали молочные зубы, и во рту хватало прорех.

Тролль Хрясь – *Хияс-сь* – обитал под мостом и был людоедом. Он ел человечину, да и маленьких девочек тоже кушал.

Паша сообщил об этом Ирке, когда они вдвоем как раз сидели на широком полукружье одной из бетонных опор, и над головами у них тянулись толстый грязный кабель и пупырчатые листы металла – дно моста. Чтоб сестра не запачкала платьице, Паша усадил ее себе на колени. И рассказывал сказку про тролля.

В детских глазах застыли изумление и испуг.

«Не бойся. Я же с тобой. А еще у меня есть вот что», – перед глазами девочки блеснула, а затем со звоном полетела вниз монетка.

«Это для тролля...»

«Дья Хияс-ся?!»

«Да, для Хряся-хренася, хе-хе. Видишь, мы ему заплатили, чтобы он нас с тобой не скушал, милая».

Ирка смеялась и просила, чтобы в другой раз он дал монетку ей. Хотела сама бросить ее в широкое полукруглое отверстие торчащей из бетона трубы, на дне которой плескалась темнота. В этой тьме ждал подарков ее любимый тролль.

Двадцать лет. Тело так и не найдено. Кто-то забрал его, спрятал вместе с давешней карманной мелочью.

Сквозящий в перекрытиях ветер тихо гудел в щелях и пустотах вокруг Савельева. Сверху доносился вороний гай, приглушенный металлом громадных ферм. Ему показалось, что он слышит что-то еще – шорох и скрежет сзади... и снизу, под ногами. Будто какое-то большое животное ползет по другой стороне моста, цепляясь за крепления кривыми когтями. Он оглянулся на уже далекий, исчезающий в тумане вход. Присмотрелся – почудилось, будто справа из-за трубы показалось и немедля скрылось блестящее чешуйчатое кольцо, упругое и живое, как...

Как часть длинного гибкого хвоста.

Савельев замер.

Брось, не дури. Просто ветер качнул чертов кабель. Блестящий, мокрый из-за тумана кабель.

«Хи-яс-с-сь...» – проскрипел мост.

– Пошел в задницу, – ответил Савельев.

Надо добраться до конца моста, спуститься по металлической лесенке сбоку на вторую опору, чтобы проверить. За два десятка лет никто не додумался осмотреть это место. Никому и в голову не пришло искать маленькую девочку там, куда и взрослому человеку пробраться было непросто. Паша всегда сначала сползал первый, а затем помогал сестренке.

Позади все было спокойно. Никаких посторонних шумов, змеиные хвосты нигде не мелькали. Савельев облегченно выдохнул, и облако пара растаяло в тумане у его лица.

Как же тут холодно!

Он зашагал дальше, высматривая по левую руку малозаметный спуск к опоре. Их с сестрицей тайный уголок для игр и страшных сказок.

Это местечко Паша нашел и облюбовал спустя пару месяцев после того, как они с друзьями спалили брошенную сторожку. Мальчишкам на пепелище стало неинтересно, а его тянуло. Нравилось там бывать одному, вечерами, вдыхать сладкий запах паленого дерева, пока тот не выветрился. Вспоминать магический танец огненных лепестков. Все-таки и правда было что-то волшебное в пересохшем русле реки, в старом мосту над ней, в пробивающихся среди шпал ростках ковыля и погорелых развалинах рядом. Паша возвращался сюда снова и снова, но никому о своих походах не рассказывал. Только сестренке, которая была слишком маленькая, чтобы что-то понимать про это. Впрочем, он и сам ничего не понимал. Мост словно звал его, манил, обещал что-то смутное, таинственное, запретное. Что-то, чем Паша хотел поделиться с сестрой.

В один из дней по пути к насыпи ему на обочине попала сбитая каким-то лихачем кошка. У нее оказались переломаны задние лапы, на мордочке засохла кровь, но она еще дышала и даже тихо, еле слышно не то скулила, не то мяукала. Уже смеркалось, а мост был близко, поэтому никто не видел, как Паша отнес кошку к останкам сторожки, и как он сжег ее там живьем. Потом ему стало стыдно. Он представил, как залилась бы слезами сестренка, как выговаривала бы мать, как, выглянув из мамкиной спальни, плюнул бы в сердцах дядя Коля. Паша решил спрятать обгоревший трупик, чтобы избежать всего этого. И нашел узкую лестницу, спускавшуюся с края моста на одну из опор.

«*Так ты впервые покормил тролля*», – вкрадчиво шепнул туман. Дурацкий сленг, которым пользовались студенты Савельева, сейчас почему-то не казался ему ни смешным, ни глупым.

Он удивленно моргнул, увидев очередную ворону, что сидела над узким отверстием у бокового парапета... прямо над вертикальной линией из коротких перекладин-ступенек, уходящих в эту дыру. Блестящий черный глаз внимательно следил за Савельевым. Ворона открыла клюв и издала пронзительный крик.

– Да вижу я, вижу... Спасибо, – поблагодарил он ворону, сдержав зародившийся в горле смешок.

Без истерик. Просто мерзкая птица на мерзкой железке мерзкого моста.

Савельев сошел с рельс. Остановился у отверстия. Внизу плыл туман. Савельева трясло от холода, но на лбу все равно выступил пот. Он утерся рукавом и начал спускаться.

Неожиданно сизую хмарь разорвало порывом ветра, и, глянув под ноги в поисках очередной ступеньки, Савельев увидел далеко-далеко внизу темное дно реки, покрытое камнями и мусором. Голова закружилась, ослабшие пальцы предательски дрогнули на скользкой перекладине. В последний момент он успел схватить другой рукой боковую стойку, рывком подтянул тело и прижался к хлипкой, раскачивающейся решетке. Савельева мутило, и он зажмурился, чтобы мир вокруг перестал скакать в бешеном вальсе.

В темноте холод сжимал его, давил ребра. Воняло сыростью, хлопали крылья, каркали вороны. Старое ржавое железо тоскливо мяукало, как та искалеченная кошка. Скрипом и шорохом этому стону вторили трубы, балки, спайки и заклепки над головой. Снизу подвывал ветер.

«*Покорми своего тролля*», – проскрежетал мост злым, ехидным голосом. Не открывая глаз, Савельев в страхе потянулся обратно, наверх.

Что ты делаешь?

Двадцать лет. Два-дцать-лет.

Здесь ли она еще?..

Тяжело выдохнув, он замер. Рискнул посмотреть вниз еще раз и – продолжил прерванный спуск.

За многие годы ветра и ненастья как следует поработали над хлипкой лестницей, ослабили крепления так, что нижняя ее часть оказалась отогнута в сторону. Бетонная плашка опоры все еще была рядом, достаточно протянуть ногу над бездной и сделать шаг.

– Ирка... – прохрипел через зубы Савельев, подбираясь для короткого прыжка. – Заплатила ли ты троллю свою копеечку?

В прежние времена здесь было не так опасно. Паша водил сюда сестру несколько раз. Он курил сигареты без фильтра, которые воровал у дяди Коли, она играла со своими куклами или рисовала в альбоме, елозя коленками и локтями по бетону. Паша смотрел на нее неотрывно. Однажды Ирка так увлеклась рисованием, что не заметила, как платьице задралось, оголив тощие детские бедра и краешек трусиков.

А Паша заметил.

«Хочешь монетку кинуть?»

«Хияс-сю?!»

«Хренасю, ага. На вот, держи... Садись вот сюда, ко мне. Давай я тебя обниму, чтоб ты не улетела вслед за монеткой».

Верхушка опоры была широкой и плоской, по центру в ней тонули основания стальных перекрытий, образуя нижнюю часть буквы V. Толстые железные полосы тут превращались в скрещивающиеся полые желоба, которые, соединяясь в трубу, утопали на два-три метра в бетон. В трубу они кидали мелочь для тролля. В этой темной искусственной пещере

Паша хоронил убитых им кошек. Ирку он засунул туда же, в трубу. Двадцать лет миновало, но Савельев и сейчас отчетливо помнил, как это было.

Он достал из кармана монетку и отдал сестре. Та устроилась у него на коленях. Паша прижал хрупкое тельце к себе. Подол задрался Ирке выше пояса. Возможно, она почувствовала, как что-то упругое и горячее ткнуло сзади бедро, но, слишком увлеченная фантазиями о своем Хияссе, не обратила внимания. А потом стало слишком поздно. Потом Паша уже не мог остановиться.

После он, конечно, запаниковал. Сестра хныкала и звала несуществующего тролля. Изодранные детские трусики валялись на бетоне бесполезной грязной тряпицей. Паша видел бурые пятна на светлой ткани и понимал, что копеечкой здесь уже не откупишься. Ирка ползла к лестнице. Если бы она выбралась, дохромала до дома и рассказала матери о том, что он с ней сделал...

Паша ударил ее головой о бетон, а потом задушил. И затолкал в трубу.

Когда позже, дома, мать стала спрашивать его о сестре, он ответил, что не видел Ирку с обеда. Несколько месяцев вся округа искала девочку, но безрезультатно. Дядя Коля запил. Мать сникла, заболела и умерла на следующий год, а Пашу забрали к себе в большой город дальние родственники.

Людоедом был не тролль под мостом. Людоедом оказался он сам. Пусть подобное случилось с ним лишь однажды. Пусть после этого Паша с головой окунулся в учебу, закончил школу с золотой медалью, поступил на филфак и, выйдя оттуда с красным дипломом, продолжил карьеру ученого и преподавателя. Пусть он уже дважды был женат – ему все равно нравились молоденькие студентки, и людоед внутри него облизывался, когда те проходили мимо.

С годами Савельев все чаще задавал себе вопрос, на который до сего дня не мог найти ответа.

Заплатила ли Ирка троллю свою копеечку?

Он помнил, как сбрасывал в трубу трупы убитых кошек. Их было три... четыре, если считать самую первую, обгоревшую. Помнил, как запихивал в узкое отверстие еще теплое тельце сестры. Затолкав ее туда, бросил последний взгляд в темноту. Увидел помятое платье, светлые кудри, изломанные тонкие ручки и ножки.

А кошачьих скелетов не увидел.

– Заплатила ли ты троллю свою копеечку?

Шатаясь под порывами усилившегося ветра, разгребая руками загустевший туман, Савельев подошел к железному желобу. Ухватил рукой за край, уперся в другой желоб. Старая краска шелушилась под одеревенелыми пальцами, крупинцы ее отслаивались и улетали серым пеплом.

Ирка верила в то, что Хрясь настоящий.

А кошки пропали. И тело Ирки до сих пор не нашли.

И та девчонка, про которую рассказывала мать, ее разрезало поездом на две половины, но, говорят, отыскать смогли лишь переднюю часть. И тот глупец, схвативший электрический кабель, – его руки сгорели до локтей, а кистей не осталось вовсе.

Скорее всего, кошачьи останки он тогда не заметил. Не до того ведь было. А Ирку просто не нашли, так тоже бывает. И верила она всему, а особенно тому, что ей старший брат говорил.

Но что, если?..

Дрожа всем телом, Савельев опустил голову и заглянул в дыру.

Поначалу ничего рассмотреть не удавалось. Но постепенно глаза привыкли к темноте, и вот уже стали проступать смутные очертания: одна косточка, другая, кругляш детского черепа – похож на резиновый мячик. Кусок истлевшего белого платица... с цветочками.

«Здравствуй, сестренка», – подумал Савельев.

Сердце сжалось в груди. Глаза обожгло, и по замерзшей щеке потекла горячая капля.

– Я ведь не хотел, чтобы так вышло, Ирка, – прошептал он в дыру. – Правда не хотел...

Прислонившись лбом к ледяному железу, Савельев закрыл глаза и разрыдался. Дал выход горечи, что копилась в его душе все эти годы. Ревел, как мальчишка, стоя на пятачке бетонной опоры, и вороны кружили над ним, потревоженные громкими, надрывными всхлипами.

Наконец он успокоился. Вспомнил о платке в заднем кармане брюк, достал, утер слезы с лица. Запустил пальцы в другой карман и выудил оттуда круглый, серебристо поблескивающий пятак.

– Последняя плата твоему троллю, Ирка.

Монета, сверкнув, полетела в трубу, ударилась о стену с внутренней стороны и отскочила в сторону. Проследив ее короткий путь взглядом, Савельев увидел мелкие кошачьи кости, белеющие кучкой неподалеку от останков его сестры.

Что ж, так оно и должно было быть.

Фантазии остались в мире детства. Деревья и животные не разговаривают. Людоеды прячутся не под сенью сказочных переprav, а в черством человеческом сердце. И у всякой сказки есть свой конец, даже у страшной. Выплакавшись, Савельев почувствовал спокойствие. Настоящий покой, какого не знал все эти годы.

Ответы найдены. Прощание состоялось. Ритуал соблюден. Перекреститься, что ли?..

Да нет, наверное, не стоит. Глупо как-то.

– *Ма-аль-т-чик...* – проворчала дыра.

Савельев окаменел.

– *Ты ми-няу хорош-шо кормил, ма-аль-т-чик,* – голос раздался уже сзади и одновременно – со всех сторон.

С протяжным злым свистом дыра выплюнула пятак обратно. Монета, срикошетив о ржавое железо, больно ударила Савельева в лоб. Выйдя из ступора, он метнулся в сторону лестницы. Но по бетону под ногой скользнул толстый, покрытый зелеными чешуйками хвост, и Савельев, зацепив его, с беспомощным писком растянулся на холодной шершавой поверхности.

Волна удушающего теплого смрада накатила на него сзади и сверху. Савельев подтянул колени к груди, сжался в тугой комок, толкнулся от камня и прыгнул к лестнице. Из разбитого носа хлестала кровь вперемешку с соплями. Краем глаза он увидел проступающие за пеленой тумана смутные очертания чего-то большого, невероятно большого... Громадная тень, выросшая из другой тени – моста. Она двигалась.

По ляжкам потекли теплые струи, но Савельев не заметил, что обмочился. Пулей он взлетел, цепляясь за трясущиеся жерди расцарапанными в кровь пальцами, – наверх, наверх! Отчаянно брыкая ногами, кинул свое тело на шпалы, больно, до треска в ребрах ударившись грудью о рельс. Подняться на ноги сил уже не было.

И тогда Савельев, ломая ногти о металлическую сеть, скользя в собственной крови, слезах и моче, пополз. Над ним, хрипло хохоча, закружили проклятые птицы.

– *Покор-рми мен-няу еш-ще, ма-аль-т-чик,* – пророкотал мост.

Позади из тумана выпросталась, разогнав воронье, гигантская, покрытая шерстью и чешуей ладонь. Она накрыла истошно вопящего человечка целиком. Огромные пальцы, заканчивающиеся черными когтями, сжались в кулак, оборвав жалкий писк влажным чавкающим хрустом:

– *Хияс-сь.*

Забрав свое, громадная длань бесшумно растворилась в тумане, словно была соткана из него. Ветер развеял смутные очертания и подул ниже, чтобы слизать капли крови со шпал.

Одинокий ворон, жалобно каркнув, взмыл наверх и присоединился к кружащей над переправой стае.

Вечер набросил на округу покрывало сумерек. Бледный серп неполной луны выкатил из закатных туч, разливая серебро в стылой дымке над пересохшей рекой. Старый мост смотрел во тьму холодными мертвыми глазами.

У него было много таких глаз.

Корректурa

В первый раз Алена встретила этого человека (тогда она еще думала о нем как о человеке) в пятницу вечером. Традиционный аврал перед сдачей номера закончился ближе к полуночи, и она, как всегда в такие дни, последней покинула редакцию. Вышла из офиса на свежий воздух, когда ночь, пожирая город, уже сомкнула холодные челюсти над районом. За спиной с тихим шелестом сошлись зеркальные створки, впереди короткий спуск в несколько ступеней выводил на полосу тротуара и пустующую стоянку. Ожидая такси, Алена закурила.

Ее нормой было три, максимум четыре сигареты в день. Но Игорек все равно хотел, чтобы она бросила. Почти все ее бывшие этого хотели. Что поделать, высокие парни с широкими плечами Алене всегда нравились больше, чем бородатые хипстеры с кафедры. Она долго терпела нытье очередного спортсмена, даже сократила норму до двух сигарет, но сегодня утром, когда Игорь обнаглел настолько, что, порывшись в сумочке, выкинул оттуда початую пачку «Ричмонда» – неприкосновенный запас! – послала его куда подальше. Тот даже не успел заявить традиционный ультиматум «выбирай – или я, или...», как дверь захлопнулась у него перед носом. Никаких «или», дорогуша.

Сейчас, вдыхая сладкий дым с привкусом вишни, Алена искренне наслаждалась этим маленьким актом мести и от удовольствия на секунду прикрыла глаза. В этот момент ее руки коснулось нечто холодное и склизкое, и тусклый голос проскрипел прямо в ухо:

– Вы работаете в этом из-здании. «Влас-сть тайн». Вы опубликуете мое произ-зведение.

«Что за дурацкий акцент?» – подумала Алена, а потом испугалась и отпрянула в сторону от незнакомца.

Вид у того, впрочем, оказался не слишком угрожающий. Мужчина с холодными влажными пальцами и странным, тягучим произношением (так могла бы разговаривать ржавая деревенская калитка, надели Всевышний ее голосом) был ниже ее ростом и у же в плечах даже в своем темном пальто – полная противоположность тем, с кем она предпочитала заводить романы. К тому же он был стар. Худое лицо с глубокими тенями на месте щек напоминало фото узников Освенцима из статьи в последнем выпуске газеты. Кожа на абсолютно голом черепе отливала в свете фонаря желтым.

– Вы... вы, вообще, кто, дедушка? – вырвалось у Алены.

Старик выглядел озадаченным. Она подумала о своей матери и о других ей подобных, с еще более высушенными мозгами, кому самое место в домах престарелых. Может, и этот из таких? Вышел прогуляться вечером, а по дороге забыл, куда и откуда идет, какой нынче год и как его зовут?

– «Влас-сть тайн», – прошипел ненормальный. – Вы работаете здес-сь?

– На сегодня уже нет. На сегодня работа закончена, дедушка, впереди два выходных. Которые я бы хотела провести дома, чего и вам желаю. Доброй ночи и... ой!

Забытая сигарета обожгла пальцы, и Алена невольно взмахнула рукой, рискуя уронить тлеющий фильтр на сумочку или платье. Однако щуплый старикан стремительно метнулся вперед, подхватил костлявой пятерней окурок и мгновенно затушил его, сжав в маленьком бледном кулачке.

– Глаз-за. Пос-смотри мне в глаз-за.

Она подчинилась и заметила в черных зрачках изумрудные отблески. Зелень притягивала, манила за собой, на глубину.

– Ты. Напечатаеш-шь. Мой текс-ст...

С этими словами старик развернулся, словно ища, куда выбросить сигарету, но вместо этого взмахнул кожистыми крыльями, в темноте так похожими на полы пальто, и взлетел.

Разинув рот и задрав голову, Алена еще долго всматривалась в ночь. Потом запоздало потянулась к сумочке, за телефоном, запуталась в кармашках, бросила это бесполезное занятие, оглянулась по сторонам – никого. Ни-ко-го!

Божечки мои! Она только что столкнулась с чем-то, превосходившим любые бредни из читательских писем с пятнадцатой страницы (между платными объявлениями разномастных знахарей и гороскопами), встретила нечто реально «не от мира сего» – и поблизости не оказалось ни одного свидетеля!

Алена чуть не расплакалась. Ей никто не поверит! Захотелось напиться, но она предпочла выудить дрожащими пальцами из пачки еще одну сигарету и снова чиркнуть колесиком зажигалки. Черт с ним, пусть будет пятая.

Уже дома, разбирая сумочку, она обнаружила несколько неизвестно как там очутившихся тетрадных листков, исписанных мелким убористым почерком. Первая строчка служила заголовком, и эти слова давали однозначный ответ на вопрос, кем же был ее странный ночной собеседник. Алена вспомнила тот жутковатый наказ, что летучий старик оставил ей вместе с бумагами. Разделась, легла в кровать, включила ночник и принялась за чтение...

В следующий раз незнакомец явился в ночь с понедельника на вторник. Выходные у Алены не задались, она плохо спала, все время возвращалась мыслями к встрече со стариком. Порой ей почти удавалось убедить себя в том, что случившееся – только видение, нелепая шутка, которую сыграл с хозяйкой перенапряженный в будних трудах мозг. Увы, проклятые листочки ничуть не походили на эфемерный мираж.

Может, это просто чей-то глупый розыгрыш? Хорошо бы так!.. В понедельник Алена прихватила рукопись на работу, думая показать ее подружке-верстальщице. Но по пути, в метро, еще раз пробежалась по тексту – уже стараясь абстрагироваться от того, кто или что было автором рассказа. Работа есть работа, а Алена считала себя профи.

В итоге дальше ее рабочего стола бумаги не ушли. А к вечеру Алена про них и вовсе забыла – после обеда ей пришлось разгребать электронную почту и заниматься официальным сайтом газеты. Туда требовалось перенести материалы из брошюрки «Мега Ужас», что выпускались ежемесячно в течение трех лет в качестве приложения к еженедельнику, пока около года тому назад не было решено заменить их более ходовым товаром – сборниками рецептов. Около шести на мобильный ей позвонила с югов маман, а сразу по окончании совершенно бесполезного десятиминутного разговора (жара страшная, вода в море холодная, давление скачет, а еще маман сфотографировалась с обезьянкой, но не знает, как отправить снимки по телефону) напомнил о своем существовании бывший. К половине седьмого батарейка сотового, по счастью, начала медленно агонизировать, так что Алена в конце концов допила остывший зеленый чай, собрала вещички и побежала домой. Все, о чем она мечтала к тому моменту, – чтобы ее все наконец оставили в покое.

Приняв душ и наскоро поужинав холодными бутербродами, она налила в бокал красного полусладкого и, только взглянув на плещущуюся за стеклом багряную жидкость, вспомнила, что забыла рукопись на работе. Как раз в этот момент в окно тихонько постучали.

– Господи! Умеете же вы напугать, дедуля!

Третий этаж – как он сюда забрался?.. Впрочем, ничего удивительного, если подумать. Крылья-то ему на что? После сегодняшней нервотрепки и предыдущих бессонных ночей у Алены не осталось сил даже удивиться неожиданному визиту. С полминуты она просто смотрела на повисшего за окном гражданина, на его беззвучно шевелящиеся тонкие губы и странные жесты, которые он делал правой рукой в ее сторону. В другой руке старик трепал свежий воскресный выпуск «Власти тайн».

– Вам нужно приглашение, – догадалась Алена. – Залетайте, чего уж там...

Старикан не без труда, задев форточку крылом, пролез в распахнутое окно и завис над столом, выставив на обозрение хилый бледный торс с торчащими ребрами, покрытый белевыми волосками морщинистый животик и съездившийся отросток с мешочком яиц. Настал черед Алены кривить губы.

– Боже... Простите... Вы не могли бы опять пальтишко надеть?

– Женщ-щина, – полыхнул глазищами гость. Но крылья все же сложил, обернув ими уродливое тело.

«Эксгибиционист чертов!» – подумала Алена. А вслух произнесла:

– По половому признаку обращаться не слишком культурно, тем более к даме.

Возможно, виной тому был омут деловой рутины, в котором Алена тонула весь день, возможно – нелепый облик крылатого деда. А может, она просто успела свыкнуться с тем, чем этот дед по сути своей являлся. Как бы там ни было, а страха перед загадочным стариком она больше не испытывала.

– Садитесь, плиз... Выпьете? А, вы ж не пьете...

– Да, – подтвердил гость, устраиваясь за столом. – Вина мы не пьем. Об этом, кс-стати, напис-сано...

– На заборе тоже написано, – отмахнулась Алена.

– Напис-сано, – прошипел старик еще раз и выложил «Власть тайн» на скатерть. – Но не напечатано.

Газета была открыта, разумеется, на последнем развороте. Литературный раздел – на той неделе Алена поместила туда новую страшилку от одного из постоянных авторов, Москалева.

– Почему не напечатано? – спросил гость тихо.

Алена всплеснула руками:

– Ну как почему? Вы русский-то понимаете? Хотя о чем я – судя по вашему тексту, с русским у вас дела плохи. Во-первых, когда вы изволили караулить меня у офиса, этот номер был уже сдан. А во-вторых, я, при всем пиетете, просто физически не могу опубликовать вашу писанину.

– Пос-смотри мне в глаз-за... – не шибко уверенно прошипел старик.

– Бросьте эти ваши штучки, дедуля! – оборвала Алена, махом допила и повторно наполнила бокал. – Это столица, а не румынское село какое-нибудь. Я вообще плохо гипнозу поддаюсь, чтоб вы знали. Хотите публикаций – терпите критику! Иначе – как там у Кинга? Я отменяю свое приглашение...

– Критику...

Несколько секунд он молча жевал тонкие губы, словно пробуя слово на вкус. Алена тоже молчала, облокотившись на подоконник и попивая вино.

– Хорош-шо, – наконец, кивнул старик. – Что не так?

– Да все! Все не так. Начать хотя бы с автора. Вас как зовут?

– С-сигиз-змунд. Подкарпатс-ский.

– Ну и?.. – выгнула бровь Алена. – Это же бред, а не имечко! Вот в этом номере у нас – Москалев. До того – Самохин, Колыхалова... Ивановых несколько штук бывало. Нормальные человеческие фамилии, имена. А тут вдруг – Подкарпатский. Да еще Сигизмунд! Смех один, что люди подумают?

– Что я – вампир, – буркнул старик. – Мне это и требуется. Чтобы люди поняли, чтоб увидели, прочли о нас-с правду...

– Ой, да таких вампиров сейчас по Интернету!.. Куда не плюнь, извините за выражение. Каждый второй школьник нынче – Дракула. Каждый первый студент – Цепеш. Роланды, Беллы, Эдварды, Луисы Альберты... Запомните, дорогой мой человек... вернее, не-чело-

век... Зарубите на своем упырином носу: если хотите, чтобы ваш текст воспринимали всерьез – пользуйтесь обычными именами, а не идиотскими псевдонимами.

– Пс-севдоним... Но меня так величают на с-самом деле...

– Соболезную. И все же – Сигизмундов сейчас ни в одной газете не пропустят, уж поверьте. Будь вы каким-нибудь Семеном – другой разговор.

Вампир тяжело вздохнул.

– Ладно. Пус-скай С-семион...

– Ну а фамилия, допустим, Карпов. Пойдет?

– Допус-стим, – снова вздох. – Что-то еще?

– Ну о том, что тексты лучше присылать электронной почтой общим порядком, я уже помолчу. Понимаю, что с компьютерной грамотностью у вас еще хуже, чем с обычной. Но, как минимум, рассказик ваш надо сократить. Ой, вот только не надо мне корчить рожи! Есть такая штука – формат. Есть такое понятие – объем. – Она ткнула пальчиком в разложенную на столе газету. – Видали? Одна полоса, один рассказ. Плюс еще место под рекламу. Девять тыщ. Двенадцать – максимум!.. Боже, вы и этого не знаете, да?

– Девять тыс-сяч чего?

– Рублей, блин! Гонорар за три рассказа. А ваш по объему как раз за три пойдет. У вас же там тридцать с лишним тыщ знаков с пробелами! Почти авторский лист! А полоса в газете – одна, на двенадцать тысяч максимум. Слишком большой текст, придется сокращать.

– Нельз-зя, нельз-зя... – захныкал Подкарпатский.

Алена развела руками, едва не пролив вино из бокала на стол:

– Велкам! Учитесь работать с Интернетом, там объемы не критичны, можете хоть десяток авторских на сайт какой-нибудь забабахать. А у нас все строго: хотите публикаций – сокращайте. Самое большое, что могу предложить в качестве компромисса, выложить на сайте газеты вашу эту писанину как есть. Но в самой газете – не больше трети от нынешнего объема.

– Мне надо подумать, – вампир Сигизмунд поднялся из-за стола и, не прощаясь, прыгнул во тьму за окном. Алена услышала хлопанье огромных кожистых крыльев, на мгновение тень, похожая на гигантскую летучую мышь, закрыла бледный шар полной луны.

«Черт побери, – подумала она, провожая Подкарпатского взглядом. – Опять не успела включить телефон и сфоткать!»

На следующий вечер старик встретил ее у подъезда. Весь день Алена разгребала письма с идиотскими историями от читателей. Призраки прабабушек в старинных зеркалах, исповеди похищенных инопланетянами алкоголиков, загадочные предвидения – бог знает какие авгиевы конюшни ей приходилось вычищать еженедельно, чтобы наполнить постоянную рубрику. Подчас она чувствовала себя ассенизатором, пытающимся выудить в переполненном биотуалете ненароком соскользнувшее в клоаку обручальное колечко. Безнадежный труд – в большинстве случаев все заканчивалось тем, что приходилось брать и сочинять нормальные истории самой.

– Вы пахнете кровью, – вместо приветствия заявил Сигизмунд.

– Оставьте свой номер. В следующий раз, когда у меня начнутся месячные, – позвоню предупредить.

– У меня нет телефонного аппарата...

– Как и чувства юмора. Ладно, с чем пожаловали?

Подкарпатский вздыхал и мялся.

– Я обдумал вс-се...

– Ну и?

– Интернет как мес-сто публикации... меня не интерес-ует. Я предпочитаю печать, в с-силу, так с-сказ-зять, приверженнос-ти традициям... С-стокер... ЛеФаню... Полидори, опять же.

– Полидори-помидори... Желаете попытать силы в книжных издательствах? Флаг в руки, Сигизмунд, – сказала Алена, выудив из сумочки ключи и сотовый.

– Нет, – печально покачал головой старик. – Не С-сигиз-змунд. С-семен.

– Вот так все-таки? – усмехнулась Алена.

– Да. Я с-смотрел... Я хочу рас-сказ-зять правду. О нас-с... Чтобы ее уз-знали вс-се... Тиражи с-современных книг... удручают. У вас-с – двес-сти тыс-сяч. С-совс-сем другое дело.

– То есть вы согласны на сокращения? Вы это хотели сказать, Семен?

Вампир в очередной раз печально вздохнул и поплотнее закутался в крылья-пальто.

– Что ж, я посмотрю, что можно сделать с вашей писаниной. Загляните через неделю. А пока, если позволите...

Она шагнула к старику, обняла его хрупкое плечо одной рукой, а вторую, с телефоном, вытянула вперед и нажала кнопку фотоаппарата.

– Что ты делаеш-шь?!

– Это называется «селфи», дедуля.

Перед тем как лечь спать, Алена выложила свежее фото у себя в Твиттере, подписав его «Мой Носферату». Подкарпатский на снимке был смущен и бледен, глаза его тускло блестя, отдавая зеленым. Первый ретвит и комментарий оставила подружка-верстальщица: «Какой импозантный дядечка))))))».

Во вторник в обед Алена заглянула в Сеть снова и, к своему неудовольствию, обнаружила на почте с десяток уведомлений о полученных в Твиттере сообщениях. Все новые комментарии к выложенному фото оставил бывший. Она ничего не ответила: пройденный этап есть пройденный этап, а если Игорек считает иначе, то это его проблемы.

Потом позвонила мать. После короткого и не шибко красочного отчета о пойманных дохлых медузах и найденных на берегу ракушках речь зашла о личной жизни, из чего Алена сделала вывод, что бывший (маман всегда ему симпатизировала) уже успел поплакаться у несостоявшейся тещи на груди.

Нет, мам, у меня никого нет. И я никого не ищу. Общаюсь исключительно с коллегами по работе. А работы много, мам, правда, и я вообще-то прямо сейчас пытаюсь... Так что не могла бы ты?.. Верность догадки подтвердила заключительная речь маман: та в течение пяти минут вспоминала Игорька, какой он был хороший и внимательный и как жаль, что Алена его совершенно не ценила...

Остаток дня прошел из рук вон. Очередной опус прислал Москалев – на сей раз никуда не годный. Якутских шаманов и переселение душ – к чертям собачьим, такого «добра» в газете и так навалом, а надо подумать и о читателях, жаждущих кровищи, убийств, маньяков. Собственно, настроение было такое, что ее и саму тянуло почитать что-нибудь в духе «Баек из склепа» или «Американской истории ужасов». К тому же Алена не собиралась публиковать постоянно одних и тех же авторов, а в архивах сохранились переводы парочки рассказов Роальда Даля и Роберта Блоха. Ах да, и еще дурацкая рукопись дурацкого нетопыря-эксгибициониста. Упыринные письма требовалось набрать заново на компьютере, а потом посмотреть, что с ними можно сделать в смысле редакции, но Алена сегодня уже слишком устала. Сколько дедушке лет-то, интересно?.. Они же, нечисть эта, вроде как бес-смертны. Двести, триста?.. В любом случае, Семен-Сигизмунд достаточно стар, чтобы подождать еще день-другой.

В итоге к вечеру четверга Алена только начала набирать рассказ Подкарпатского в текстовом файле, попутно выбрасывая из истории ненужные куски. Которых там хватало

с избытком. И вообще, творение старика ей категорически не нравилось. Категорически! Вот вечно ей не везет. Всяким малолеткам, судя по фильмам и книгам, встречаются на пути сплошь бесконечно талантливые и романтические кровососы, ей же попался вампир-графоман.

Подкарпатский ждал ее у входа в метро, похожий в своем извечном пальтишке на бездомного пьянчужку.

– Слушайте-ка, – обратилась к нему Алена без обиняков. – Уж за сто лет, или сколько вам там, дедуля, могли бы и научиться писать! Раз уж в писатели податься решили. Есть же, в конце концов, какие-то курсы, семинары проводят.

Упырь скрипнул клыками.

– «Влас-сть тайн». Могу я рас-считывать на публикацию в текущ-щем номере?

– Очень с-сомневаюсь-сь. Полегче, полегче, Семен Сигизмундыч, не надо так зыркать! Могу сказать, что объемы текста я уже сократила. Убрала весь тот бессмысленный треп про ваше детство и отрочество...

– Как ты пос-смела?!

– А у меня был выбор? – возмутилась Алена. – Две трети написанного так или иначе необходимо выкидывать. И потом, дорогой мой не вполне человек, во времена вашей юности, возможно, читатель и готов был продираться через биографические подробности к интересным эпизодам, но в наши дни, в нашем мире людей нужно увлекать сразу, буквально с первых же строчек повествования. Что и подводит нас к следующей проблеме вашего текста – его стиль.

– Что с-с ним не так?

– Он скучный! Неимоверно скучный, затянутый, выпреженный. А пафоса сколько, божечки! Огромное количество совершенно ненужных описаний, сравнений, эпитетов. Длинные-предлинные предложения: к концу уже успеваешь забыть, что было в начале. Никуда не годится.

– Но я с-старалс-ся... Эдгар Аллан По... Ховард Филлипс-с Лавкрафт...

– Скончались стотыщпятьсот лет до нашей эры! Их никто уже не читает, товарищ! По крайней мере для развлечения.

– Я и не с-собираюс-сь никого раз-звлекать!

– Оно и заметно. Вот только нашу газету люди читают там, – Алена махнула рукой в сторону ведущего на станцию перехода. – Поутру, когда на работу едут. Пока еще просыпаются. А ваша писанина, дедушка, действует как снотворное. Ну вот что это такое – «хладный диск полночного светила, как рыба в глубине океанских бездн, плыл, серпом Селены взрезая массивные, налитые грядущей грозой тучи»? Что это, если не издевательство над мозгом читателя? Хотите писать так, чтобы было интересно современному читателю, – пишите проще, пишите короче. «На небе сияла луна» – и точка. Понимаете?..

– Допус-стим... – издал Подкарпатский уже привычный для ее слуха горестный полувздых-полустон. – С-сколько мне ещ-ще ждать?

– Не знаю, – отмахнулась Алена. – Две, может, три недели. А то и больше.

– Я терпелив... Но мое терпение не вечно.

– Ой, вот только не надо угроз! Знаете сколько вас таких, страждущих? Тех, кто заваливает письмами и ноет, ноет, ноет – опубликуйте то, опубликуйте се.

– С-сами хорош-ши... С-сколько крови у нас-с, авторов, выс-сос-сали...

– Ой, вот кто бы говорил! Насчет «высосать» и прочего. И вообще. Вас, так называемых «авторов», – сотни! А я одна, одна на всех, и возиться с каждым, как с ребенком, не могу и не буду! Ясно?

Старик, казалось, задумался. Алене от близости этого мозгляка стало зябко, и она уже направилась было к спуску в метро, когда зазвонил телефон.

– Я тебя вижу! У перехода! С этим мерзким старикашкой! – Игорь явно был пьян (оля-ля, спортсмен забыл про здоровый образ жизни) и на взводе. – Как ты могла! С ним! С таким!.. После всего, что было! После того как я, ради тебя...

– Как же вы меня все достали. – Алена сбросила вызов и тут же получила повторный. Пришлось возиться, отключать звук у айфона, и это ее задержало.

Подкарпатский, догнав Алену на ступеньках, изрек:

– Ес-сли бы я мог оказ-зять вам какую-нибудь ус-слугу... В качес-стве единовременной благодарности з-за труды, так с-сказ-зять...

Затылком она ощущала липкий взгляд Игорька – вполне вероятно, бывший продолжал следить за ними, стоя наверху, у спуска в метро.

– Услугу? Хм...

Настал ее черед пораскинуть мозгами. Продолжающий назойливо вибрировать в сумочке телефон, однако, помог принять решение быстро. Сейчас, когда Алена была на взводе, оно далось ей легко, вопрос как-то сам собой соскочил с языка:

– А это, вообще, правда, что вы в своем рассказе написали? Ну про то, что люди просто так в вампиров не превращаются? Что для этого мало стать жертвой вампира, что обычно от потери крови человек просто умирает?.. Если так и если ваше, дедуль, предложение еще в силе, то, кажется, есть у меня один вариантик...

В течение нескольких дней Алена занималась правкой рассказа. Вычищала излишние «красивости», выгребала устаревшие слова с «ятями» и безжалостно уничтожала рассыпанные по всему тексту в изобилии местоимения и предлоги, выжигала наречия, рубила чрезмерно сложные, длинные предложения на несколько коротких простых. В итоге от исходного текста нетронутым осталось разве что название – оно-то подходило для «Власти тайн» на все сто. Остальное же ей пришлось фактически переписывать набело. Провозившись всю ночь, к утру понедельника она валилась с ног от усталости, но зато – рукопись была готова, бери и сдавай в верстку. Чувство удовлетворения наполняло ее весь день еще и потому, что бывший более не беспокоил ее ни через Твиттер, ни по телефону. А вечером они отпраздновали день рождения подружки-верстальщицы, выпив несколько бокалов «Мохито» и всласть натамцевавшись в ночном клубе.

Во вторник, к приятному своему удивлению, Алена проснулась в постели не одна, а в компании с мускулистым танцором из клуба. Кажется, его звали Конан, она точно не помнила, да и так ли уж это было важно? Не Игорь – и на том спасибо. К тому же он пил и курил. Длинноволосый блондин оказался младше ее на десять лет, но ни его, ни ее это нисколько не волновало, так что она позвонила в офис секретарше, сказала простуженной, и они не выползали из спальни весь день. Впервые за этот месяц Алена смогла расслабиться и ощутить себя по-настоящему счастливой и свободной.

Так продолжалось вплоть до вечера среды, когда в очередной раз отзвонилась маман. Алена не без гордости похвасталась, что ее личная жизнь наконец-то налаживается. Да, без Игорька. Да, мама, я в курсе, что он пропал без вести, но мне совершенно плевать. Что-о?! Да как ты смеешь! Пускай я плохая, пускай бесчувственная, но я твоя дочь, единственная, между прочим. Как это лишишь наследства? Как... что... Нет!!!

В эту ночь ее белокурый варвар танцевал в клубе, а она не смыкала глаз, лежа в спальне одна. Злилась на старую сумасбродку, гадала, высчитывала, сколько лет еще ей придется мучиться с графоманскими опусами для «Власти тайн», чтобы накопить на собственную квартиру в Москве. В отличие от Сигизмунда, думала она, у нее нет в запасе пары столетий. В отличие от моего Носферату, у меня времени нет вообще – маман прилетает с курорта в конце недели.

Файл с рассказом Подкарпатского был у нее при себе, на флешке, когда в четверг вечером Алена заглянула в кабинет верстальщицы.

– Кофеечку? – предложила та, приветливо улыбнувшись. – Что там у тебя, Аленка, что-то из классиков опять?

– Не совсем, – вместо флешки Алена выудила из сумочки пачку «Ричмонда» и угостила подружку.

Верстальщица выкуривала по половине в день, а в период авралов расправлялась с целой пачкой. В комнатке у нее вечно стоял запах дыма, что вообще-то всеми внутренними правилами редакции было строго-настрого запрещено, но Алена смотрела на эти нарушения сквозь пальцы – сама такая.

– А вот скажи, Вероника, – обратилась она к подружке как бы невзначай, когда они обе устроились на мягком диванчике у раскрытого окна, с кружками горячего кофе и тонкими сигаретами в руках, – если бы ты могла, скажем так, подкорректировать что-нибудь не в газете нашей, а в... окружающем мире, но только не бесплатно – ты бы пошла на это?

– Придумаешь тоже, – фыркнула Вероника. – Мне за верстку зарплата капает, с чего бы я должна за собственную работу кому-то еще платить?

– Нет, ты представь, что речь идет не об обычной верстке, а о такой, что твою жизнь могла бы изменить. Но лишь ценой жизни кого-то другого.

– В смысле убить кого-нибудь ради того, чтобы разбогатеть?

– Не напрямую, – осторожно кивнула Алена. – Не лично, а как бы чужими руками...

– Ну, если мне за это ничего не будет, – верстальщица посмотрела на нее, выгнув тонкую бровь, – так почему бы и нет? Если честно, то я сейчас убить готова за хорошего кобеля. У тебя никого на примете не имеется?

Алена оставила ей номер своего стриптизера, а себе – флешку с рассказом Подкарпатского. В последние дни (вернее, вечера) тот оставил ее в покое, но она не первый год зналась с графоманами такого типа, как он, и была уверена: старик еще напомним о себе, у них будет возможность поговорить. В конце концов, в редакционном портфеле имеются шаманы Москалева, которыми, в случае необходимости, можно заткнуть дыру в текущем номере, – и уж тогда-то ее Носферату явится выяснять, почему его «шедевр» в очередной раз продинамили.

К услугам москалевских шаманов, однако, прибегать не пришлось. Сигизмунд подошел к ней в переходе между станциями метро, вышел из-за колонны, худой и высокий, – Алене почудилось, что он прибавил в росте с последней их встречи. Впалые щеки налились румянцем, как от мороза, в глазах танцевали зеленые искры.

– Какой вы нынче жизнерадостный, – не удержалась от колкости Алена.

Вампир не обратил внимания на ее ехидный тон:

– Питаю надежду, что вы меня порадуете. Моя ис-стория. Текущий номер. «Влас-сть тайн». Договореннос-сть в с-силе?

– Ой, даже не знаю... Возможно. Наверно... Скорее всего.

– С-скорее вс-сего? Как это понимать? – Кровь отхлынула у старика от лица, и Алена подумала про себя, что это, должно быть, кровь Игорька.

– Нет, лично я ничего против вашего текста не имею, – уверила она. – Правки сделаны, все готово. Но, Семен Сигизмундыч, вы должны понимать, вы ведь не один такой. Ну, то есть вы-то такой один, конечно, но у нас и другие авторы есть, другие рассказы тоже ожидают публикации. Я же не могу вот так вот взять и изменить все планы. Может быть, через месяц, если к тому времени литературный раздел газеты не прикроют...

– Из-здеваеш-шь-с-ся? – Старик обнажил клыки.

– Ой, только не надо скрипеть сейчас на меня! Я и так делаю ради вас все, что в моих силах. Жертвую силы и личное свое время, между прочим.

Подкарпатский по-кошачьи скользнул к ней одним быстрым плавным движением, так что черные с зеленью зрачки оказались аккурат напротив ее глаз. Теперь он был одного с Аленой роста, и – с удивлением обнаружила она – стал шире в плечах. От него все еще пахло

древностью, застарелой подвальной пылью, но к этому запаху, кажется, примешался другой, знакомый, – так пах дезодорант Игоря, которым тот пользовался до и после тренировок в зале.

– Ус-слуга, – произнес вампир, взирая на ее без гнева, с пониманием. – Тебе нужна еще одна услуга. Хорош-шо... Но это будет пос-последний раз-з. З-запомни, это – пос-последний!

– Воскресенье, – пообещала она. – В это воскресенье ваш рассказ напечатают. Если...

– Никаких ес-сли. Это – пос-последний. Пос-последний ш-шанс-с.

В пятницу она сдала номер в верстку. В субботу попыталась дозвониться маман, но безрезультатно, как и в воскресенье. Днем в понедельник ей самой позвонили на рабочий номер, из больницы: мама лежала при смерти. Где-то дома, в московской квартире, упала, порезала руку, да так неудачно, что практически истекла кровью к тому моменту, как приехала скорая. Алена никому не стала рассказывать об этом звонке. На душе у нее кошки скребли, работа шла из рук вон, ей требовалось выпить, вволю накуриться, расслабиться, забыться.

Вечером она снова попала в клуб и до полуночи извивалась со своим (впрочем, теперь ей приходилось делить его с Вероникой, но в понедельник, четверг и воскресенье была ее очередь) блондином как на танцплощадке, так и в кабинке уборной. А когда, оставив Конана, немного пьяная и очень довольная, явилась домой, то, не без труда отперев замок, скинула туфли, одежду и приняла душ, зашла на кухню выпить перед сном бокальчик любимого красного полусладкого. Где и наткнулась на разъяренного Сигизмунда.

– Непрос-ститительно, – проскрежетал Подкарпатский, швыряя в лицо Алене свежий, воскресный выпуск «Власти тайн». Зрачки вампира горели холодным зеленым пламенем, он возвышался над ней огромной могучей тенью, и темные густые локоны, пахнущие шампунем ее матери, струились у него по плечам, мускулатуре которых позавидовали бы и Игорь, и Конан. В этот вечер Сигизмунд соответствовал всем ее представлениям об истинной мужской красоте.

Алена подхватила газету и, справившись с колышущейся перед глазами мутиью, сосредоточила взгляд на странице литературного раздела.

«Божечки, – подумала она, не в силах поверить тому, что увидела. – Божечки мои, Вероника, подружка-верстальщица, как же так, божечки святы!..»

Она пыталась что-то лепетать в оправдание, но Подкарпатский не стал ничего слушать или говорить. Молча распахнул гигантские крылья, стремительно прыгнул к ней и одним движением больших и невероятно сильных рук оторвал женщине голову.

Голова с глухим стуком упала на пол, вслед за ней полетели, планируя, мятые газетные листы, а тело редактора осталось стоять, зажатое в объятиях писателя. Лицо вампира склонилось к дыре, которой теперь заканчивалась шея Алены, и струи крови, толчками вырываясь из порванных жил и сосудов, ударили в жадно распахнутый рот алым фонтаном.

Несколько капель упали и на страничку газеты, где, прямо под псевдонимом автора (Семен Карпов, Карпаты), красовалось, набранное красивым готическим шрифтом с вытянутыми литерами и эффектными засечками, название его рассказа:

УКСУС ВАМПИРА.

Конец пути

В последние деньки я все чаще стал замечать, как Штырь украдкой бросает голодные взгляды на Янку и на ее вздувшийся живот, и мне это, конечно, не нравилось. Люди в нашем маленьком отряде наперечет, всех нас Война изрядно потрепала, и с каждым меня связывало что-то общее, но Штырь есть Штырь: в нем уже и человеческого-то почти ничего не осталось. В отличие от Янки, Василича и остальных, ему я не доверял. Опасался – не столько его самого, сколько тех тусклых огоньков, что тлели на глубине темных впадин под лишенными волос надбровными дугами, когда он отрывал взгляд от потрепанной книжки и долго, молча, не мигая глазел куда-то вдаль. Что он там видел, какие картины рисовал в воображении, можно только догадываться. Но в такие моменты Штырь пускал слюну, как умственно отсталый, и бормотал что-то себе под нос. Нельзя было разобрать ни единого словечка, но я точно знал, с Кем он говорил.

Кто-то, когда-то, еще до Войны ляпнул красного словца ради: «Безумие заразно». Глядя на Штыря, я не мог не вспоминать эту фразу и не задаваться вопросом, насколько болезненное состояние его надломленной психики передается мне, Янке, другим. Царь Голод был для Штыря богом, но, положив руку на сердце, кто из нас теперь, в эти скудные времена, не обращал к Нему молитвы, во сне или наяву, кто не выпрашивал милости?.. Не знаю, есть ли такие, сохранившие здравомыслие удалыцы в моем отряде, но я сам точно не из их числа. А началось все с него, со Штыря.

Штырь был первым, кто услышал Царя. Помню, как он орал, щуря на небо опухшие, красные от известковой пыли и слез глаза, когда мы с Максимом вытаскивали его переломанное тело из-под завалов старой школы на Маросейке. Это не были крики радости, нет. Штырь вовсе не ликовал по поводу чудесного спасения. Он выл, и голос его источал тоску и страдание, каких я никогда не слышал, а уж за время после Войны я всякого наслушался вдоволь. Волосы у него уже тогда начали выпадать, но те, что оставались, были седые, как у глубокого старика. На зубах и подбородке чернела кровь, он кусался, царапался, бился у нас на руках в припадках бешенства, да так, что мы вдвоем едва могли его удержать, несмотря на сильнейшее его истощение и сломанные в нескольких местах ребра. В себя пришел далеко не сразу, а постепенно. Разум начал к Штырю возвращаться, только когда Максим, добрая душа, поделился с ним своей пайкой. По счастью, тогда у нас еще было чем делиться. Тогда мы еще не знали, что такое Царь Голод. В отличие от Штыря.

Теперь каждый в отряде так или иначе знаком с Царем. Кто больше, хотя Штырь тут и вне конкуренции, кто меньше. Как Янка – о ней все-таки я забочусь. Но даже она признавалась мне с неделей тому, что слышала Его голос. Вот что пугало больше всего. Безумие заразно. Доставшийся мне по наследству от отца хронометр уже давно приказал долго жить, но по ночам я слышу сухие щелчки, с холодной неумолимостью отмеряющие путь из пункта А в пункт Б. Понятия не имею, долго ли нам еще туда идти, боюсь, что уже немного осталось. Точно знаю одно: в конце этой дороги нас всех с распростертыми объятиями поджидает оно – кровавое безумие.

Тэк-с, тэк-с – щелкает у меня в голове. Голод не тетка! Тэк-с, тэк-с – цокает языком Штырь, поглядывая на Янку. Аппетитная девочка...

Мы устроились за насыпью у поворота к имению Губера – я, Штырь, Янка и еще четверо. Всего, получается, семь человек – втрое меньше, чем два месяца назад, когда кончились запасы консервов. Кто жевал траву, кто изучал почерневшие остовы деревьев в надежде найти нетронутый пламенем, а значит, съедобный участок коры. Штырь в миллионный раз перечитывал учебник русской литературы за седьмой класс – он был при нем, болтался в штанах, когда мы его откопали в завалах во время того рейда по городским развалинам.

Черт знает почему, но Штырь с этой дурацкой книжкой никогда не расстается. Янка спала с открытыми глазами, утопая невидящим взором в низких, налитых свинцовой тяжестью тучах. Слава богу, в ее зрачках не видно этих жутких огоньков. Я сидел рядом, касаясь бедром ее бедра, ощущая тепло ее тела. Проверял амуницию: лук, стрелы, ножи, – так было удобнее следить за Штырем.

Максим-то знал, а вот остальные, считая и Янку, не в курсе, что мы со Штырем знакомы еще по прошлой жизни. Выросли в одном дворе, ходили в одну школу (ту самую, превращенную в пепелище, – впрочем, сейчас все школы сровнялись с землей), только в разные классы. Кому из отряда скажи – не поверят, но я на год старше Штыря. Война всех уравнила в этом смысле, а кому и воздала сторицей. Штырь с его бледным иссохшим лицом и клочками белого, как снег, мха на голом, покрытом серыми пятнами черепа, по виду мне в отцы уже годится, а то и в деды. Нет уж давно того двора, дома наши, как и все прочие дома, разметало в пепел. Былая дружба превратилась в затхлые руины, где над гниющими трупами родных и близких правит Царь Голод. Это огоньки Его смеха мерцают в глазах у Штыря, когда он поглядывает на дремлющую Янку, уж я-то знаю.

Тэк-с, тэк-с – щелкает в голове. Тэк-с, тэк-с. Желто-зеленой змеей проскальзывает язык меж почерневших редких зубов. Очерчивает контур тонких лиловых губ, оставляя влажную борозду на грязной, покрытой струпьями коже. Тэк-с, тэк-с – цокает Штырь, сглатывая слюну.

Затолкав последнюю самодельную стрелу в колчан, я поднялся и тихонько свистнул. Взгляды охотников на секунду-другую обратились в мою сторону. В глазах у некоторых виднелись те же голодные огоньки, что и у Штыря. Тот понял, кому предназначался сигнал, не сразу: несколько раз моргнул, схаркнул зеленоватой жижей, только затем уставился на меня.

– Айда по периметру, – сказал я. – Стоит проверить.

– У бабы своей под юбкой проверь, – буркнул в ответ Штырь, без вызова, голосом таким же серым и тусклым, как и он сам.

– Она не носит, из моды вышло.

Штырь оценил шутку, и череп его понизу расколола кривая ухмылка:

– Тэк-с, тэк-с. Ну тады давай пройдемся. Может, сыщем обнову.

Крякнув по-стариковски, он спрятал учебник за пазуху дырявой ветровки (досталась ему от Максима, когда того не стало), оперся тощей рукой о навершие топора и медленно встал. Закинув топор на плечо, похромал вперед. Я задержался, чтобы еще раз взглянуть на спящую Янку. Умиротворенное лицо, тонкая белая шея, мальчишечья грудь... округлый, выпирающий живот. В желудке у меня заурчало, а в голове защелкало с новой силой.

– Как думаешь, друже, сколько мы еще так протянем? – спросил Штырь, не оборачиваясь, когда я нагнал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.